

Н. ЛОССКІЙ.

**Діалектичеській матеріалізмъ
въ СССР.**

YMCA - PRESS

PARIS — 1934

Книгоиздательство и книжный складъ

YMCA-PRESS

10, Bd. Montparnasse, Paris

Того же автора:

СВОБОДА ВОЛИ фр. 12.50

**ТИПЫ МІРОВОЗРѢНІЙ (Введеніе въ
метафизику** „ 27.50

**ЦѢННОСТЬ И БЫТІЕ (Богъ и Царство
Божіе, какъ основа цѣнностей)** „ 20.—

Н. ЛОССКИЙ.

Діалектичеській матеріалізмъ въ СССР.

YMCA - PRESS
10 BOULEVARD MONTPARNASSE
PARIS

Pirmals Tipografijas Kooperatīvs
(Latvijā) Rīgā, Merķeļa ielā 6

1. Механистическій матеріалізмъ.

Слово матеріалізмъ въ не философской литературѣ имѣетъ расплывчатое значеніе: имъ обозначаютъ самыя разнообразныя міровоззрѣнія, въ которыхъ выдвинута въ какомъ-либо смыслѣ матеріальная, тѣлесная сторона бытія. Для изслѣдованія и критики міровоззрѣній необходимо пользоваться терминами, имѣющими строго опредѣленный смыслъ. Я буду обозначать словомъ матеріалізмъ только тѣ философскія міровоззрѣнія, которыя утверждаютъ, что матерія есть единственное *основное* бытіе, и что психическіе процессы (если они существуютъ) возникаютъ на основѣ матеріальныхъ процессовъ, какъ *пассивное производное* явленіе (пассивное въ томъ смыслѣ, что психическіе процессы не вліяютъ причинно на матеріальные процессы). Подъ словомъ матерія при этомъ имѣется въ виду непроницаемое протяженное бытіе (частицы, имѣющія трехмѣрный объемъ, движущіяся въ пространствѣ).

Видовъ матеріалізма есть много. Они отличаются другъ отъ друга, поскольку само понятіе матеріи у различныхъ философовъ различное, а главное — поскольку нѣкоторые матеріалисты совершенно отрицаютъ существованіе психическихъ процессовъ, или, по крайней мѣрѣ, считаютъ различіе психическаго и физическаго относительнымъ. Объ этихъ различіяхъ можно получить подробныя свѣдѣнія въ моей книгѣ „Типы міровоззрѣній“. Здѣсь мнѣ незачѣмъ говорить о всѣхъ возможныхъ матеріалистическихъ направленіяхъ. Совѣтскіе писатели, говоря о діалектическомъ матеріалізмѣ, противопоставляютъ его только идеализму и механистическому матеріалізму. Поэтому я изложу здѣсь лишь основныя положенія механистическаго матеріалізма и тогда путемъ противопоставленія ему выяснятся основы діалектическаго матеріалізма.

Матерія, согласно механистическому матеріализму, есть непроницаемая, движущаяся въ пространствѣ масса. Основные свойства ея суть только пространственная форма, непроницаемость и движеніе. Всякое измѣненіе есть движеніе въ пространствѣ. Скорость и направленіе движенія частицы матеріи измѣняются не иначе, какъ подѣ вліяніемъ толчка или давленія, производимаго на нее другою движущеюся частицею, встрѣтившеюся съ нею въ пространствѣ. Всѣ остальные свойства элементарной частицы матеріи абсолютно неизмѣнны.

Законы измѣненій, обусловленныхъ толчками и давленіями, изучаются механикою. Слѣдовательно, всѣ матеріальные процессы, все, что происходитъ въ природѣ, подчинено законамъ механики и сполна объясняется ими.

Словомъ сила обозначается причина измѣненія. Согласно многимъ философскимъ системамъ, сила, какъ творческій источникъ измѣненій, признается онтологическимъ элементомъ (т. е. элементомъ бытія), который не данъ въ чувственномъ опытѣ и можетъ быть открытъ только умозрѣніемъ. Въ умѣ сторонника механистическаго матеріализма вопросъ о силѣ весьма упрощается: согласно его ученію, причиною измѣненія движенія частицы матеріи всегда служитъ другая уже движущаяся частица; но движущаяся частица матеріи дана въ опытѣ; поэтому матеріалисту кажется, что въ своемъ міровоззрѣніи онъ можетъ обойтись безъ „метафизическаго“, нечувственного понятія силы.

Матерія, согласно этому ученію, надѣлена только геометрически-механическими свойствами, выразимыми *количественно* математически. Такія качества, какъ цвѣта, звуки, тепло, холодъ, запахъ и т. п., механистическій матеріализмъ считаетъ субъективными психическими реакціями, ощущеніями, возникающими въ высоко организованной матеріи, въ тѣлѣ наблюдателя тогда, когда внѣшніе матеріальные процессы дѣйствуютъ на его органы чувствъ, на глазъ, ухо и т. п. Нѣтъ никакого сходства между этими субъективными ощущеніями и внѣшнею транссубъективною причиною,

вызвавшею ихъ, напр., между музыкальными тонами и звуковыми волнами, соотвѣтствующими имъ. Матеріальные предметы только кажутся намъ цвѣтными, звучащими, теплыми, холодными, пахучими и т. п.; на дѣлѣ имъ принадлежать только лишенныя всѣхъ этихъ качествъ пространственныя формы, непроницаемость и движеніе. Субъективныя *качественныя* различія въ дѣйствительности сводятся только къ *количественнымъ* различіямъ: такъ, напр., то, что субъективно представляется какъ качественное различіе краснаго и голубого цвѣта, въ дѣйствительности есть только количественное различіе: колебанія съ быстротою 450 билліоновъ въ секунду и колебанія съ быстротою 620 билліоновъ въ секунду.

Психическіе процессы и сознаніе, согласно механистическому матеріализму, возникаютъ впервые только въ сложно организованныхъ тѣлахъ и причинно обусловлены сложнымъ механическимъ процессомъ. Они совершенно *пассивны*, т. е. нисколько не вліяютъ на теченіе механическихъ процессовъ. Петръ Великій ненавидѣлъ защитниковъ старины, противниковъ своихъ реформъ; подавивъ стрѣлецкій бунтъ, онъ самъ рубилъ головы виновныхъ стрѣльцовъ. Психическія состоянія Петра Великаго, напр., страстное желаніе осуществить реформы, пылая ненависть къ противникамъ, согласно механистическому матеріализму, вовсе не являются причиною его поступковъ. Всѣ его поступки, его распоряженія, личное участіе въ исполненіи казней и т. п. суть механическое слѣдствіе строенія его тѣла, т. е. отношенія въ пространствѣ частицъ его тѣла, ихъ движеній, давленій и толчковъ другъ о друга и объ окружающую среду. Возникающія въ связи съ этими процессами психическія состоянія, страсть къ реформамъ, ненависть, нисколько не вліяютъ на дальнѣйшее теченіе механическихъ процессовъ: оно все сполна объяснимо законами механики, какъ если бы психическихъ процессовъ вовсе не существовало. Механическіе процессы суть основное бытіе, а психическіе процессы только субъективная *надстройка* надъ ними, *эпифеноменъ*.

Механистическій матеріализмъ имѣетъ *неоргани-*

ческий характер: онъ утверждаетъ, что первоначальное и основное бытіе суть элементарныя частицы матеріи, ни отъ кого и ни отъ чего независимыя, а всякіе цѣлыя, возникающіе въ мірѣ, напр., атомы, молекулы, тѣла животныхъ и растений, суть суммы элементарныхъ частицъ, зависимыя отъ нихъ, имѣющія свойства, производныя изъ свойствъ этихъ частицъ. Согласно *органическому* міропониманію, отношеніе между цѣлымъ и элементами его — обратное: цѣлое первоначально, а элементы, поскольку они суть части цѣлаго или становятся частями (напр., въ процессъ питанія и ассимиляціи), вторичны и зависимы отъ цѣлаго. *)

Въ тѣсной связи съ неорганическимъ характеромъ механистическаго матеріализма находятся слѣдующія черты его. Всякое измѣненіе движенія частицы матеріи обусловлено *внѣшнею* для нея причиною, именно воздѣйствіемъ другой частицы матеріи. Всякое измѣненіе скорости и направленія движенія возникаетъ *случайно*, если подъ словомъ случай разумѣть встрѣчу въ пространствѣ и времени двухъ процессовъ, которые не зависятъ другъ отъ друга и не подчинены никакому общему, объемлющему ихъ цѣлому. Хотя встрѣча двухъ движущихся частицъ есть случай, но результаты этой встрѣчи, измѣненіе скорости и направленія движенія, законосообразно необходимы: такимъ образомъ, механистическій матеріализмъ связанъ съ *детерминизмомъ*, съ рѣшительнымъ отрицаніемъ свободы воли. Отрицая психическую активность, органическое строеніе міра и бытіе Бога, механистическій матеріализмъ не допускаетъ никакой *цѣлестремительности* и *цѣлесообразности* въ составѣ міра: всѣ измѣненія онъ объясняетъ слѣпо дѣйствующими причинами, безъ всякой цѣли и плана.

Всѣ элементы міра, все строеніе его и всѣ измѣненія въ немъ лишены какого бы то ни было *смысла* и какой бы то ни было *объективной цѣнности*. Отдѣльное существо, напр., животное или человѣкъ, поскольку у него есть психическія состоянія и стремленія, напр.,

*) Подробности о различіи между неорганическимъ и органическимъ міровоззрѣніемъ см. въ моей книгѣ „Типы міровоззрѣній“.

къ самосохраненію, можетъ говорить о смыслѣ и цѣнности какой-либо стороны міра въ отношеніи къ его стремленіямъ; всякая такая цѣнность не абсолютна, а только относительна. Къ тому же, субъективное переживание цѣнностей, вслѣдствіе пассивности психическихъ состояній, нисколько не вліяетъ на поведеніе субъекта: оно сполна вытекаетъ изъ механизма тѣла. Такимъ образомъ, переживание цѣнности, сознаніе долга и т. п. суть только субъективныя отмѣтки механическихъ процессовъ, происходящихъ въ тѣлѣ субъекта, а вовсе не мотивы, дѣйствительно вліяющіе на его поведеніе.*)

Въ мірѣ, состоящемъ изъ неизмѣнныхъ по существу элементовъ, не содержащихъ въ себѣ никакой цѣлестремительности и никакого духовнаго начала, которое можно было бы назвать *смысломъ*, нельзя себѣ и представить никакой *творческой* активности, создающей принципиально новыя содержанія бытія, управляемая иными законами, чѣмъ законы механики. Поэтому механистическій матеріализмъ вполнѣ послѣдовательно утверждаетъ, что каждая ступень природы, слѣдующая за неорганическими процессами, именно физиологическіе процессы, соціальные процессы, планетарные и т. п., отличается отъ предыдущей только тѣмъ, что представляетъ собою болѣе сложный пучекъ все тѣхъ же самыхъ элементарныхъ процессовъ давленій и толчковъ движущихся частицъ матеріи, и, слѣдовательно, сполна объяснима все тѣми же элементарными законами механики. Поэтому, напр., въ русской литературѣ есть попытка понимать соціологію, какъ коллективную рефлексологію.

При современномъ уровнѣ философской культуры и научнаго знанія трудно защищать такое упрощенное міропониманіе, какъ механистическій матеріализмъ. Не только основныя философскія проблемы, теорія истины, теорія цѣнностей, проблема связи душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ и т. п. не могутъ быть удовлетворительно рѣшены имъ; даже частныя науки

*) См. объ относительныхъ и абсолютныхъ цѣнностяхъ мою книгу „Цѣнность и бытіе“, YMCA, Paris, 1931.

переросли уже рамки этого міропониманія. Такъ, современная физика настоятельно требуетъ усвоенія ряда понятій, давно уже упрочившихся въ философіи, и выработки органическаго міропониманія. Въ самомъ дѣлѣ, матерія, оказывается, состоитъ изъ совокупности положительныхъ и отрицательныхъ электрическихъ зарядовъ. Нельзя представлять себѣ матеріальную природу, какъ множество микроскопическихъ, абсолютно твердыхъ комковъ, какъ думалъ еще Ньютонъ, который считалъ атомы столь твердыми, что поверхность ихъ не изнашивается, какимъ бы толчкамъ, давленіямъ и треніямъ они не подвергались. Твердость неразрывно связана съ непроницаемостью, а непроницаемость не можетъ быть уже понимаема, какъ *состояніе* частицы матеріи, присущее ей непрерывно и неизмѣнно даже и въ изолированномъ состояніи и обуславливающее при встрѣчѣ съ другою непроницаемою частицею отталкиваніе ея. Электрическіе заряды не суть такіе твердые комки: они суть ни что иное, какъ *дѣйствованіе* отталкиванія и притяженія. Такимъ образомъ, непроницаемость матеріи есть не *состояніе* ея, а *процессъ*, именно дѣйствованіе отталкиванія. Отношеніе между непроницаемостью и отталкиваніемъ прямо противоположно тому, какимъ оно представляется гилокинетическому матеріализму (гилокинетическими называются теоріи, согласно которымъ матерія есть движущаяся масса), и всѣмъ, кто не задумывался глубоко надъ этимъ вопросомъ: обыкновенно, полагають, что состояніе непроницаемости первично, а дѣйствіе отталкиванія есть слѣдствіе его, возникающее при встрѣчѣ съ другою тоже непроницаемою частицею; на дѣлѣ, однако, какъ разъ наоборотъ, дѣйствованіе отталкиванія или, вѣрнѣе, взаимоотталкиванія двухъ зарядовъ дѣлаетъ ихъ непроницаемыми въ отношеніи другъ къ другу.

Непроницаемый объемъ есть ни что иное, какъ безчисленное множество дѣйствованій отталкиванія, исходящихъ изъ одной центральной точки и распространяющихся по всѣмъ радіусамъ. Единство этого безконечнаго множества дѣйствій, состоящихъ изъ множества отрѣзковъ въ пространствѣ и времени,

указываетъ на то, что всѣ они суть проявленія одного дѣятеля, который творитъ содержаніе ихъ и придаетъ имъ единую пространственную и временную форму. Творческій источникъ и носитель множества смѣняющихся во времени проявленій называется въ философіи словомъ *субстанція* или, лучше, я буду означать его словомъ *субстанціальныи дѣятель*. Итакъ, каждый электронъ, каждый протонъ и т. п. есть субстанціальныи дѣятель. Бытіе дѣятеля рѣзко отличается отъ его дѣйствій: быть носителемъ множества проявленій въ пространствѣ и времени онъ можетъ, только будучи самъ непротяженнымъ и невременнымъ; мало того, чтобы придать своимъ проявленіямъ временную и пространственную форму, онъ долженъ быть носителемъ принциповъ этихъ формъ, т. е. господиномъ ихъ, онъ долженъ быть существомъ сверхвременнымъ и сверхпространственнымъ. Изъ опредѣленной точки пространства исходятъ только проявленія такого дѣятеля и длятся опредѣленное время, а самъ онъ не помѣщенъ ни въ какомъ мѣстѣ пространства и времени.

Условимся называть терминомъ *реальное бытіе*—событія, т. е. дѣйствія, осуществляемыя во времени или въ пространствѣ и времени. Все, что не имѣетъ временной и пространственной формы, условимся называть *идеальнымъ бытіемъ* (напр., всѣ предметы математическихъ понятій, числа, величины и т. п.). Невременные аспекты міра, не обладающіе самостоятельнымъ существованіемъ, суть *отвлеченно-идеальное бытіе* (напр., число); сверхвременные и сверхпространственные элементы міра, относительно самостоятельные, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что они суть самостоятельные источники дѣйствій, можно обозначить терминомъ *конкретно-идеальное бытіе*. Слѣдовательно, субстанціальныи дѣятели принадлежатъ къ области конкретно-идеальнаго бытія.

Ученіе, согласно которому непроницаемая матерія есть ни что иное, какъ совокупность *процессовъ* отталкиванія и притяженія, называется *динамистическою теоріею матеріи*.*) Покажемъ теперь, что оно можетъ

*) Подробности см. въ моей книгѣ „Типы міровоззрѣній“.

быть развито не иначе, какъ въ формѣ *органическаго міропониманія*.

Проявленіе субстанціальнаго дѣятеля, электрона, протона и т. п., во внѣ, въ пространствѣ, не можетъ быть абсолютно самостоятельнымъ, изолированнымъ: оно возможно не иначе, какъ въ отношеніи къ другимъ дѣтелямъ, и всегда имѣетъ характеръ *взаимодѣйствія*. Напр., отталкиваніе возможно только, какъ толканіе и противотолканіе, производимое двумя дѣтелями А и В такъ, что эти два дѣйствія возникаютъ *абсолютно одновременно*, имѣютъ *одинаковую* силу и осуществляются по *одной и той же* линіи въ противоположныхъ направленіяхъ. Понять такую чудесную согласованность дѣйствій двухъ разныхъ дѣтелей въ пространствѣ и времени можно только слѣдующимъ образомъ. Необходимо различать *стремленіе* осуществить отталкиваніе съ опредѣленною силою въ опредѣленномъ направленіи и дѣйствительную *реализацію* этого стремленія въ пространствѣ. Стремленіе есть процессъ, совершающійся, напр., въ частицѣ А и имѣющій *временную* форму, но не имѣющій пространственной формы, такъ какъ оно не осуществлено во внѣ: это внутреннее состояніе дѣтеля А, не матеріальный процессъ въ ней. На высокихъ ступеняхъ развитія дѣтеля оно есть *психическій* процессъ, напр., когда я стремлюсь столкнуть ногою съ дороги камень, загрождающій путь. И въ неорганической природѣ существуютъ стремленія; напр., держа въ рукахъ тяжелый камень, я наблюдаю стремленіе его къ землѣ. Конечно, нельзя допустить, чтобы это стремленіе было связано въ камнѣ съ представленіями о землѣ, съ сознательными чувствами къ ней и т. п. Тѣмъ не менѣе, моментъ напряженія для осуществленія опредѣленнаго дѣйствія, подобный моему стремленію въ началѣ волевого акта, несомнѣнно наблюдается и въ неорганизованной природѣ. Поэтому, несмотря на всю свою упрощенность, стремленія этого рода аналогичны нашимъ сознательнымъ *психическимъ* состояніямъ; ихъ можно назвать *психоидными* состояніями. Такимъ образомъ, каждый матеріальный процессъ есть *психоматеріальный* или *психоидно-матеріальный*: источ-

никомъ его является *внутреннее* состояніе дѣателя А, которое затѣмъ реализуется *вовнѣ*, въ пространствѣ. Субстанціальный дѣатель А есть творецъ и носитель какъ своего внутренняго, т. е. психическаго или психойднаго стремленія, такъ и соотвѣтственнаго матеріальнаго проявленія. Онъ создаетъ свои матеріальныя проявленія въ пространствѣ подъ руководствомъ своихъ психическихъ или психойдныхъ состояній: всѣ его внѣшнія обнаруженія цѣлестремительны, они имѣютъ опредѣленный смыслъ, они одушевлены этимъ смысломъ. Будучи творцомъ и носителемъ какъ психическихъ (или психойдныхъ), такъ и матеріальныхъ процессовъ, субстанціальный дѣатель самъ не есть ни матерія, ни душа: онъ есть начало *метапсихофизическое*, стоящее выше дѣленія на душевность и тѣлесность и творящее единую душевно-тѣлесную жизнь.

Реализація внутреннихъ, т. е. психическихъ и психойдныхъ стремленій, напр., отталкиваній, во внѣ возможна лишь въ томъ случаѣ, если на стремленіе дѣателя А оттолкнуть дѣателя В этотъ послѣдній отвѣтитъ стремленіемъ къ противоотталкиванію съ такою же силою въ обратномъ направленіи по той же линіи. Это, въ свою очередь, возможно лишь въ томъ случаѣ, если внутреннее состояніе А существуетъ не только *для него*, но и для В; иными словами, В должно *непосредственно* воспринимать, *интуитивно* испытывать внутреннее состояніе А. Отсюда слѣдуетъ, что субстанціальныя дѣатели, съ одной стороны, суть самостоятельныя существа, способныя самодѣтельно творить свои внутреннія состоянія, а съ другой стороны, они тѣсно сросшены другъ съ другомъ и образуютъ столь единое цѣлое, что состоянія каждаго изъ нихъ непосредственно испытываются всѣми остальными. Эту спаянность субстанціальныхъ дѣателей я называю *единосущіемъ* ихъ, отмѣчая, что это *единосущіе* отвлеченное, т. е. составляющее лишь нѣкоторый аспектъ ихъ бытія. Благодаря этому *единосущію*, возможно такое теоретическое проявленіе, какъ непосредственное заглядываніе однихъ дѣателей въ нѣдра бытія другихъ, и, далѣе, такія практическія проявленія, какъ симпатія и антипатія, любовь и ненависть.

Итакъ, анализъ самаго простаго матеріальнаго процесса, такого, какъ отталкиваніе, производимое электрономъ, открываетъ чрезвычайную сложность природы и обязываетъ къ выработкѣ слѣдующаго ряда понятій: субстанціальныи свѣрхвременный и свѣрхпространственный дѣятель; наличіе не только реального бытія (временнаго и пространственно-временнаго), но также и идеального бытія (не временнаго и не пространственнаго); въ области реального бытія различіе между психическимъ или психойднымъ процессомъ (имѣющимъ только форму времени) и процессомъ матеріальнымъ (имѣющимъ пространственно-временную форму); мета-психо-физическій характеръ субстанціального дѣятеля; единосушіе субстанціальныхъ дѣятелей; органическое міропониманіе.

Матеріальные процессы возможны не иначе, какъ на основѣ сочетанія различныхъ и даже противоположныхъ началъ: *реальное* бытіе существуетъ на основѣ *идеального* бытія; существуетъ съ одной стороны *множественность* самостоятельныхъ дѣятелей, но съ другой стороны и *единосушіе* ихъ; всякій *временной* процессъ есть процессъ свѣрхременно - временной; всякій *пространственный* процессъ есть процессъ свѣрхпространственно-пространственный; всякое матеріальное событіе есть *психо-матеріальное* или психойдно-матеріальное; иными словами, все *внѣшнее* существуетъ не иначе, какъ на основѣ *внутренняго*.

Ученіе даже и о матеріальной природѣ обязываетъ отказаться отъ всякихъ одностороннихъ міропониманій—отъ матеріализма, панпсихизма, спиритуализма, идеализма и т. п. Лучше всего обозначить намѣченное выше міропониманіе словами конкретный органический *идеаль-реализмъ* (реальное бытіе существуетъ на основѣ идеального). Это міровоззрѣніе стоитъ выше противоположности монизма и дуализма, а также монизма и плюрализма. Оно признаетъ существованіе многихъ царствъ реального бытія—механическіе, физиологическіе, индивидуально-психическіе, соціальные и т. д. процессы. Несмотря на различіе этихъ процессовъ по качеству и мѣсту во времени и въ пространствѣ, они всѣ, будучи объединены свѣрхвременными и

сверхпространственными идеальными началами, образуютъ единое цѣлое космоса, имѣющаго единый смыслъ.

Имѣя въ виду перечисленныя выше сочетанія противоположныхъ началъ, можно подумать, что намѣченная мною разновидность идеаль-реализма развита съ помощью діалектическаго метода Гегеля. Разсмотримъ вкратцѣ сущность Гегелевскаго діалектическаго метода, чтобы показать, что изложенный идеаль-реализмъ не стоитъ съ діалектикою Гегеля ни въ какой связи. Различеніе понятій, которое мы произведемъ при этомъ, будетъ очень полезно для изложенія и критики діалектическаго матеріализма.

2. Діалектическій методъ Гегеля.

Согласно ученію Гегеля, міровой процессъ есть развитіе Абсолютной идеи или Абсолютнаго Духа. Мышленіе и бытіе въ этомъ процессѣ тождественны. Поэтому философское мышленіе способно достигнуть абсолютнаго знанія путемъ конкретной спекуляціи разума, т. е. путемъ конкретнаго умозрѣнія. Абсолютное знаніе не есть *копированіе* дѣйствительности въ умѣ субъекта: оно есть *интуиція*, т. е. непосредственное созерцаніе, имѣющее въ виду само міровое бытіе и процессъ его развитія въ подлинникѣ. *) Такъ какъ міровой процессъ развивается діалектически, то и философское міропониманіе вырабатывается діалектическимъ методомъ, который есть ни что иное, какъ сама объективная діалектика, достигшая самосознанія въ умѣ философа.

Исходнымъ пунктомъ діалектики служитъ понятіе разсудка, ограниченное и одностороннее, опредѣленное согласно закону тождества и противорѣчія; остаться въ этой своей односторонности оно не можетъ: собственное содержаніе его обязываетъ къ выходу за

*) См. мою статью „Гегель, какъ интуитивистъ“, Зап. Русск. Научн. Инст. въ Бѣлградѣ, вып. 9.

его предѣлы и превращенію въ свою противоположность, тоже разсудочную, ограниченную и одностороннюю; такимъ образомъ, получается самодвиженіе понятія отъ тезиса къ антитезису. Остановиться на антитезисѣ нельзя: его содержаніе требуетъ тоже выхода за предѣлы себя въ свою противоположность. Этотъ выходъ, т. е. отрицаніе отрицанія совершается не въ формѣ возврата къ тезису, а въ видѣ дальнѣйшаго развитія понятія, восхожденія въ область *синтезиса*, именно такого понятія, въ которомъ осуществляется тождество противоположностей; это тождество есть не абстрактное тождество разсудка, а конкретное тождество разума: оно состоитъ въ томъ, что живая дѣйствительность не боится противорѣчія, а, напротивъ, воплощаетъ его.

Третья ступень развитія, синтезисъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается содержащимъ въ себѣ, кромѣ жизненнаго тождества противоположностей, еще моментъ какой-либо новой разсудочной односторонности, которая требуетъ новаго отрицанія и т. д.; такимъ образомъ, совершается дальнѣйшее самодвиженіе понятія всякій разъ въ видѣ тріады, т. е. по тремъ ступенямъ: тезисъ, антитезисъ, синтезисъ.

Примѣромъ можетъ служить начало Логики Гегеля. Начавъ съ чистаго *бытія* и не найдя въ немъ никакого содержанія, Гегель приравниваетъ его къ *ничто*. „Такимъ образомъ“, говоритъ онъ, „начало содержитъ въ себѣ бытіе и ничто, оно есть единство бытія и ничто, или небытіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть бытіе, и бытіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть небытіе“. Истинное выраженіе этого тождества бытія и небытія Гегель остроумно находитъ въ *становленіи* (werden).*)

Традиціонную формальную логику, утверждающую, что все подчинено закону тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, такъ что „всякое А есть А“ и „ни одно А не можетъ быть не А“, Гегель разсматриваетъ, какъ выраженіе абстракцій разсудка, не

*) Hegel, Wissenschaft der Logik, I кн., стр. 68, 77—80 (изд. 1833 г., т. III).

имѣющихъ силы въ отношеніи къ живой конкретной дѣйствительности: въ ней, наоборотъ, все противорѣчиво и „всякое А есть В“, такъ какъ наличіе противорѣчій, конфликтовъ, противоборства противоположныхъ началъ обязываетъ бытіе къ движенію впередъ, къ развитію. Такимъ образомъ, діалектическая логика рѣзко отличается отъ логики разсудка.

Чтобы яснѣе представить себѣ это ученіе, возьмемъ еще отношеніе понятій единого, многого и цѣлаго въ изложеніи гегельянца Лосева. Въ своей „Философіи имени“ онъ говоритъ: „единое и многое“ (напр., шкафъ) „есть логически необходимое противорѣчіе, антиномія, ибо одно *не можетъ* быть безъ многого и *требуетъ* его, а многое само необходимо есть тоже нѣчто единое“ и „это противорѣчіе *необходимо логически*, необходимо примиряется и синтезируется въ новой категоріи, именно въ *цѣломъ*. Цѣлое есть діалектическій синтезъ одного и многого“. „Лица, воспитанныя на абстрактной метафизикѣ и формальной логикѣ“, „станутъ говорить, что это въ *разныхъ смыслахъ* шкафъ есть единое и есть многое, желая спасти формально-логическіе законы тождества и противорѣчія. Но именно *одинъ и тотъ же* шкафъ и единъ, и множествененъ, *одинъ и тотъ же* шкафъ есть и цѣлое, и части, *одинъ и тотъ же* шкафъ есть цѣлое, *не* содержащееся въ отдѣльныхъ частяхъ (ибо каждая часть не есть цѣлое) и въ то же время *только въ нихъ* и содержащееся (ибо не можетъ же шкафъ находиться самъ внѣ себя)“ (стр. 11 с.).

Чтобы приступить къ критикѣ діалектическаго метода Гегеля, нужно имѣть болѣе конкретный примѣръ. Возьмемъ для этой цѣли отношеніе между внутреннимъ и внѣшнимъ. Гегель обсуждаетъ это отношеніе въ своей Логикѣ, имѣя въ виду силу, какъ внутреннюю форму сущности, и внѣшнее обнаруженіе ея, какъ форму бытія, и старается показать, что въ этомъ случаѣ внутреннее и внѣшнее есть „только одно тождество“ (nur eine Identität ausmachen). *)

*) Wissenschaft der Logik, кн. 2-ая, отд. 2, гл. 3, С, I, стр. 178 (изд. 1834 г., т. IV).

Эту мысль о тождествѣ внутренняго и внѣшняго, правда, не въ столь развитой формѣ, можно найти у него и въ другихъ отдѣлахъ его Логики, а также въ другихъ произведеніяхъ его, напр., когда онъ говоритъ о цѣли и осуществленіи ея,^{*)} или о внутреннихъ ощущеніяхъ (чувствахъ) и отчужденіи ихъ путемъ тѣлеснаго выраженія въ видѣ плача, смѣха^{**)} и т. п.

Мысль о тождествѣ внутреннихъ психическихъ состояній и внѣшнихъ тѣлесныхъ воплощеній ихъ особенно распространена среди американскихъ матеріалистовъ. Она можетъ быть широко использована для замѣны психологіи рефлексологіею, бихевиоризмомъ и т. п. Вслѣдствіе конкретности предмета ея легко показать, критикуя ее, что въ ней правда, и что ложь.

Представимъ себѣ слѣдующую сценку изъ жизни, стараясь вполнѣ пережить ее въ воображеніи. Аллея парка украшена статуями, которыя въ большинствѣ представляютъ собою малоцѣнные въ художественномъ отношеніи копіи античныхъ и современныхъ произведеній искусства. Посреди аллеи стоитъ профессоръ исторіи искусства, не особенно талантливый, и бесѣдуетъ со своимъ ученикомъ, студентомъ, обладающимъ высоко развитою эстетическою воспріимчивостью. Между профессоромъ и студентомъ отношенія, нѣсколько напряженныя на почвѣ соперничества въ оцѣнкѣ произведеній искусства. Студентъ говоритъ профессору, что среди этого ряда статуй есть одна эстетически довольно цѣнная, и указываетъ на нее вдаль рукою. Профессоръ, обойдя рядъ статуй въ указанномъ направленіи, возвращается и говоритъ: „Нѣтъ, это тоже ничтожная копія съ такой-то античной статуи“. „Вы, господинъ профессоръ, обратили вниманіе не на ту статую, которую я имѣлъ въ виду, а на сосѣднюю съ ней“, отвѣчаетъ студентъ своему непріятелю съ сознаніемъ превосходства, приподнявъ голову, съ саркастическимъ смѣшкомъ, толчкообразно

*) Тамъ же, ученіе о понятіи, отд. 2, гл. 3, С, стр. 224—235 (изд. 1834 г., т. V).

**) Энциклопедія философскихъ наукъ, §§ 393—400, стр. 182—141, VII т., 2 изд.

вырывающимися изъ его груди. Внѣшнія проявленія его чувствъ вступаютъ въ сознаніе профессора вмѣстѣ съ неотдѣлимымъ отъ нихъ внутреннимъ смысломъ ихъ и переживаются имъ, какъ тяжкая обида.

Можно ли говорить здѣсь о *тождествѣ* внутренняго и внѣшняго, психическаго переживанія и тѣлеснаго проявленія? Конечно, нѣтъ. Тѣлесное проявленіе состоитъ изъ перемѣщеній въ пространствѣ: измѣненіе положенія головы, періодическія сжатія и расширенія грудной клѣтки, вмѣстѣ съ ними перемѣщенія воздуха, звуковыя волны и т. п. Глубинное психическое переживаніе студента, проявленіе самого его я есть честолюбивое наслажденіе своимъ превосходствомъ, насмѣшливо-пренебрежительное торжество надъ противникомъ и множество стремленій къ тѣлеснымъ дѣйствіямъ, рудиментамъ и символамъ грубой тѣлесной борьбы съ противникомъ: голова возвышается надъ нимъ, толчкообразное выбрасываніе воздуха и т. п. Всѣ его интимныя внутреннія переживанія имѣютъ только временную форму, а внѣшнія проявленія—пространственно-временную форму. Мысленнымъ анализомъ отдѣливъ одну сторону отъ другой, нетрудно усмотрѣть, что качественное различіе психическаго и матеріальнаго громадно. Смѣшеніе одного съ другимъ и неумѣніе сосредоточивать вниманіе то преимущественно на психическомъ, то на матеріальномъ, чтобы опознать различіе ихъ, ведетъ къ заблужденію столь же нелѣпому, какъ если бы кто-либо, видя красное круглое пятно, не умѣлъ мысленнымъ анализомъ разложить его на красный цвѣтъ и пространственную форму (кругъ) и сталъ бы утверждать тождество цвѣта и протяженности.

Глубочайшее различіе психическаго и матеріальнаго проявленія не мѣшаетъ имъ образовать тѣснѣйшее единство, еще болѣе интимное, чѣмъ единство краснаго цвѣта и его протяженности. Вся фигура студента, черты лица его и движенія пронизаны чувствомъ торжествующаго превосходства и пренебреженія; это не значитъ, что чувства эти состоятъ изъ протяженныхъ частей, которыя разлились по всему тѣлу студента: именно потому, что чувство непротяженно (только временно), оно можетъ быть цѣлостно, т. е.

безъ распада на протяженные кусочки, связаннымъ сразу со всѣми тѣлесными проявленіями въ разныхъ мѣстахъ пространства, придавая имъ характеръ единой осмысленной одушевленности. Очень многіе люди, натуралисты, врачи, инженеры, рабочіе, занятые физическимъ трудомъ, приучены практикою всей своей жизни сосредоточивать вниманіе на протяженной, т. е. тѣлесной сторонѣ этого единства; такія лица естественно склонны къ выработкѣ односторонняго материалистическаго міропониманія.

Разсмотрѣнный примѣръ взаимопроникновенія различныхъ процессовъ, даже противоположностей (внутренняго и внѣшняго), есть не тожество ихъ, а *единство*. Еще болѣе глубока взаимопроникнутость тѣхъ противоположностей, которыя могутъ быть наблюдаемы только путемъ *умозрѣнія*, напр., противоположность бытія и небытія въ становленіи (*werden*), или особенно взаимопроникнутость *соотносительныхъ* понятій, напр., единаго и многаго. Въ такихъ цѣлыхъ, какъ организмъ животнаго, каждый элементъ его множественности *требуетъ* единства цѣлаго и, наоборотъ, единство организма *требуетъ* множественности органовъ его. Словомъ „требуетъ“ отмѣчено *различіе* этихъ двухъ аспектовъ цѣлаго и въ то же время невозможность для нихъ существовать другъ безъ друга, причемъ каждый аспектъ сохраняетъ *своеобразіе* согласно закону тожества и противорѣчія: единство цѣлаго едино и множественность множественна. Это — *идеальное* единство противоположностей, но не тожество ихъ, которое нарушало бы законъ противорѣчія и уничтожило бы своеобразную особенность каждого аспекта, потому что тогда единство даже въ самомъ своемъ единствѣ не было бы единствомъ, т. е. получилась бы чистая нелѣпость, непредставимая и даже немыслимая. Въ самомъ дѣлѣ, нарушеніе закона противорѣчія и закона тожества абсолютно неосуществимо, потому что абсолютно безсмысленно. Сущность онтологическаго закона тожества состоитъ въ томъ, что „всякій ограниченный элементъ есть нѣчто опредѣленное, напр., А“; онтологическій законъ противорѣчія состоитъ въ томъ, что „ни одно А не есть не А“, а законъ

исключеннаго третьяго въ томъ, что „всякій ограниченный элементъ міра есть А или не А“. Каждое своеобразное „это“, опредѣленное благодаря своему особому содержанію (А'товости, В'товости и т. п.), исключаетъ весь остальной міръ: желтизна, рассматриваемая въ ея собственномъ содержаніи, есть не синева, не твердость, не точка и т. д. и т. д. Это *взаимоисключение* содержаній міра не есть *реальная* борьба содержаній бытія другъ противъ друга въ пространствѣ и времени: это не есть уничтоженіе одного бытія другимъ, не есть сопротивленіе или стѣсненіе. Противоположности въ описанномъ смыслѣ слова до такой степени не препятствуютъ бытію другъ друга, что могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же пространствѣ, въ въ одномъ времени, въ одной вещи: одно и то же пространство можетъ быть пропитано голубымъ свѣтомъ и ароматомъ резеды, одна и та же вещь можетъ быть желтою и твердою; человѣческая душа можетъ быть охвачена одновременно грустью и благоговѣніемъ и т. п. И наоборотъ, какъ бы далеко во времени и пространствѣ ни находились другъ отъ друга два содержанія бытія, между ними существуетъ описанное отношеніе *взаимоисключения*: желтизна и синева или твердость или точка и т. п. *отрицательно соотносятся* другъ съ другомъ *независимо отъ времени и пространства*. Поэтому описанную противоположность можно назвать *идеальною* въ отличіе отъ *реальной* противоположности, состоящей въ *борьбѣ* и *взаимоуничтоженіи* двухъ содержаній бытія въ пространствѣ и времени, напр., когда два тѣла А и Б, движущіяся по одной и той же прямой линіи въ противоположныхъ направленіяхъ, сталкиваются другъ съ другомъ и препятствуютъ поступательному движенію другъ друга. Идеальная противоположность содержаній бытія никакихъ такихъ *взаимостѣсненій* не производитъ, она только обезпечиваетъ элементамъ міра ограниченный своеобразный характеръ и такимъ образомъ содѣйствуетъ богатству, сложности и разнообразію міра. Имѣя въ виду это метафизическое (онтологическое) значеніе идеальной противоположности содержаній бытія, ее можно назвать *дифференцирующею противоположностью*.

Законы опредѣленности, рассматриваемые въ ихъ значеніи для знанія, пріобрѣтають характеръ *логическихъ законовъ мышленія* и могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: „*во всѣхъ сужденіяхъ объективное содержаніе А остается тождественнымъ съ самимъ собою А*“ (законъ тождества); „*ни въ одномъ сужденіи (или сочетаніи ихъ) объективное содержаніе А не есть не А*“ (законъ противорѣчія), слѣдовательно, „*всякая мысль, содержащая въ себѣ противорѣчіе, ложна*“ и „*двѣ противорѣчащія другъ другу мысли не могутъ быть обѣ истинными*“; наконецъ, въ третьихъ, „*двѣ противорѣчащія другъ другу мысли не могутъ быть обѣ ложными*“ (законъ исключеннаго третьяго). Изъ сочетанія закона противорѣчія и закона исключеннаго третьяго получается правило, служащее чрезвычайно важнымъ руководствомъ при отысканіи истины: „*если имѣются двѣ мысли противорѣчаще противоположныя другъ другу, то одна изъ нихъ должна быть истинною*“.

Все, подчиненное закону тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, образуетъ *систему* идеально взаимоопредѣленныхъ сторонъ міра. *Бытіе, метало-гическое*, т. е. стоящее выше этихъ онтологическихъ и логическихъ законовъ опредѣленности, напр., Сверхміровое начало (Богъ), и субстанціальныя дѣятели, не подчинено этимъ законамъ. Однако, независимость метало-гическаго бытія отъ законовъ опредѣленности есть не нарушеніе этихъ законовъ, а стояніе внѣ ихъ просто потому, что въ немъ нѣтъ условій для примѣненія ихъ, вродѣ того, какъ математическіе треугольники, шары и т. п. стоятъ внѣ законовъ химіи, потому что не содержатъ въ себѣ никакого вещества и никакого временнаго процесса.

Благодаря основнымъ логическимъ законамъ, все мышленіе и знаніе имѣетъ характеръ опредѣленности, безъ которой невозможно ни одно сужденіе и ни одно умозаключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, нарушеніе этихъ законовъ означало бы, что, напр., „*краснота въ самой своей краснотѣ не красна*“ (А'-товость въ самой своей А'-товости не А'-това). Такую нелѣпость можно высказать только словами, какъ задачу, но найти ее

осуществленною абсолютно невозможно. Если бы она существовала, то мы имѣли бы право тогда писать книги, сплошь состоящія изъ противорѣчій, т. е. изъ утвержденія чего-либо и вслѣдъ за этимъ тотчасъ же отрицанія своей мысли. Само собою разумѣется, даже тѣ мыслители, которые на словахъ отрицаютъ эти законы, на дѣлѣ стараются избѣгать противорѣчій. Истина не антиномична, она не выражается въ парѣ противорѣчащихъ другъ другу суждений; гдѣ встрѣчается такая пара, тамъ навѣрное есть заблужденіе. Къ сожалѣнію, однако, точной формулировки и общепризнаннаго ученія объ основныхъ логическихъ законахъ до сихъ поръ нѣтъ, потому что все основное съ величайшимъ трудомъ опознается человѣческою мыслью. Особенно многочисленны недоразумѣнія, вызванныя закономъ тождества. Такъ, напр., многіе воображаютъ, будто законъ тождества предполагаетъ вѣчную неизмѣнность, невременность тѣхъ элементовъ, которые ему подчинены. На дѣлѣ онъ требуетъ только, чтобы всякое, даже самое головокружительное, измѣненіе, напр., пожаръ, уничтожившій въ нѣсколько часовъ цѣлый городъ, былъ строго опредѣленнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ событіемъ, которое для всѣхъ временъ, для всѣхъ наблюдателей, для всѣхъ воспоминаній о немъ, описаній, умозаключеній остается *тѣмъ же самымъ событіемъ*. Даже и теоріи Эйнштейна тутъ ничего не мѣняютъ, потому что рѣчь идетъ объ описаніи съ точки зрѣнія какой-либо одной опредѣленной системы координатъ.

Всякое измѣненіе Гегель считаетъ воплощеннымъ противорѣчіемъ. Въ дѣйствительности, однако, всякое измѣненіе есть *единство* противоположностей, но не тождество ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, противоположности въ составѣ измѣненія существуютъ не сами по себѣ: измѣненіе возможно и мыслимо лишь постольку, поскольку въ основѣ его есть сверхвременная субстанція, какъ носитель процесса, поэтому обладаніе противоположными опредѣленіями не есть пребываніе внѣ сферы дѣйствія закона противорѣчія. Дѣйствительно, изъ А вырастаетъ В, т. е. не А, но самое это вырастаніе есть полаганіе новаго времени, слѣдова-

тельно, А и не-А принадлежать одному и тому же субъекту въ разное время, что и соотвѣтствуетъ требованіямъ закона противорѣчія. Отличіе измѣненія, т. е. превращенія А въ В отъ простой смѣны, состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что въ основѣ А и В лежитъ *одинъ и тотъ же субъектъ*, во-вторыхъ, въ томъ, что переходъ отъ А къ В происходитъ на основаніи *дѣйствованія*, частью причины котораго служитъ А, и, въ-третьихъ, самое главное, въ томъ, что переходъ отъ А къ В *сплошенъ*, иными словами, на какія бы малыя части мы ни дѣлили время измѣненія, въ каждомъ такомъ отрѣзкѣ времени происходитъ измѣненіе. Это значитъ, что въ измѣненіи можно различить умомъ безконечное количество фазъ, множество, образующее не потенціальную, но *актуальную безконечность*, понятіе которой установилъ Г. Канторъ. Иллюзія противорѣчивости измѣненія, утверждаемой Гегелемъ, получается главнымъ образомъ тогда, когда, анализируя его, доходятъ до *момента* времени и, рассматривая, напр., движеніе, приходятъ къ мысли, что движущееся тѣло находится „въ одинъ и тотъ же моментъ здѣсь и не здѣсь“.*)

Это противорѣчіе дѣйствительно было бы неизбѣжно, если бы *моменты* времени были *частями* времени, изъ суммы которыхъ слагается время. Тогда, такъ какъ никакое измѣненіе и, слѣдовательно, никакое движеніе въ моментъ времени невозможно, пришлось бы считать движущееся тѣло въ одинъ и тотъ же моментъ и пребывающимъ въ опредѣленной точкѣ пространства, т. е. покоящимся въ ней, и не пребывающимъ. Но на дѣлѣ время не состоитъ изъ суммы моментовъ такъ же, какъ пространство не состоитъ изъ суммы точекъ; моменты и точки принадлежать къ сферѣ, *нижней*, чѣмъ время и пространство, производной отъ нихъ. Поэтому вполне возможно, что во времени тѣло сплошь движется, а въ *отношеніи къ моменту времени* оно неподвижно; движеніе отъ этого не превратится въ сумму положеній покоя, потому что время вовсе не есть сумма моментовъ

*) Гегель, IV, 67; русск. перев. Дебольскаго (вып. XIII), стр. 42.

времени. Намъ возражать, что такимъ образомъ движущемуся тѣлу приписывается вмѣстѣ съ движеніемъ и неподвижность. Съ этимъ мы согласимся, но противорѣчія въ этомъ не находимъ, такъ какъ движеніе и неподвижность здѣсь присущи тѣлу въ различныхъ отношеніяхъ. Противорѣчія здѣсь нѣтъ въ *такой же мѣрѣ*, какъ въ томъ случаѣ, когда, наблюдая автомобиль, мчащійся параллельно поѣзду съ одинаковою съ нимъ скоростью, мы скажемъ, что автомобиль покоится въ отношеніи къ поѣзду, но движется въ отношеніи къ верстовому столбу.

Гегель знаетъ, конечно, объ этомъ способѣ устраненія противорѣчій путемъ ссылки на то, что противоположныя отношенія принадлежатъ вещи въ разныхъ отношеніяхъ, однако, находитъ, что онъ не приводитъ къ цѣли. Надо замѣтить, однако, что его попытки показать несостоятельность этого способа устраненія противорѣчій невразумительны. *)

Эд. фонъ Гартманъ въ своемъ изслѣдованіи „Ueber die dialektische Methode“ подвергаетъ діалектику Гегеля уничтожающей критикѣ. Между прочимъ, онъ указываетъ въ произведеніяхъ Гегеля шесть ошибочныхъ способовъ находить противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Наиболѣе распространены изъ нихъ три: 1) упущеніе изъ виду того, что предметъ сочетается въ себѣ противоположности въ *различныхъ отношеніяхъ*; 2) принятіе *единства* за тождество; 3) принятіе *соотносительности* понятій (напр., причина-дѣйствіе, единство-множество) за *подчиненіе* одного изъ нихъ другому.

Кажущаяся правомѣрность діалектическаго метода обусловлена слѣдующимъ обстоятельствомъ. Абсолютное совершенство есть абсолютная полнота бытія; она вѣчно присуща Сверхміровому началу, Богу. Что же касается тварнаго міра, она есть для него идеальная цѣль, задача, подлежащая осуществленію путемъ

*) См., напр., Гегель, IV, 45 с. (русскій переводъ Дебольскаго, вып. XIII, 28). — Подробности о логическихъ законахъ мышленія см. въ моей „Логикѣ“, §§ 30—36.

творческой активности дѣятелей и соучастія ихъ въ Божественной полнотѣ бытія. Осуществленіе этой цѣли требуетъ взаимопроникновенія различныхъ, даже противоположныхъ началъ въ строеніи міра. Выше былъ указанъ рядъ такихъ сочетаній: идеальное-реальное, сверхвременное-временное и т. п. Но всѣ эти взаимопроникновенія суть явнымъ образомъ *единство* противоположностей, а не тожество ихъ. Особенно въ нашемъ царствѣ бытія, отпадшемъ отъ Бога и Царства Божія, ослаблена творческая активность дѣятелей вслѣдствіе эгоистическаго обособленія ихъ другъ отъ друга и нерѣдко противодѣйствія другъ другу. Поэтому нашъ историческій процессъ во многихъ отношеніяхъ имѣетъ характеръ борьбы *реальныхъ* противоположностей и односторонняго сосредоточенія силъ; въ дальнѣйшемъ движеніи своемъ человѣчество переходитъ отъ одной односторонности къ другой противоположной ей, напр., въ философіи отъ крайняго идеализма къ крайнему реализму, съ трудомъ нащупывая почву для синтеза, именно для философіи идеаль-реализма. Точно такъ же въ наше время въ области экономики человѣчество готово перейти отъ индивидуалистическаго хозяйства къ коммунистическому, и, вѣроятно, не мало будетъ пролито крови, пока оно настолько поумнѣетъ и подобрѣетъ, чтобы выработать болѣе сложную систему, сочетающую въ себѣ достоинства индивидуалистическаго хозяйства и социалистическаго идеала безъ недостатковъ ихъ.

Ошибка Гегеля, вообразившаго, что живое, творчески измѣнчивое бытіе противорѣчиво, есть обратная сторона достоинства его ума, обладавшаго обостреннымъ видѣніемъ единства міра и, въ частности, взаимопроникновенія противоположностей въ немъ. Кто усматриваетъ органическую цѣлость міра, тотъ знаетъ, что въ основѣ міра лежатъ духовныя, идеальныя начала, а не кусочки матеріи, разбросанные въ пространствѣ; протяженное бытіе, раздробленный въ пространствѣ и времени процессъ есть нѣчто вторичное, *производное*; первичное, основное бытіе въ мірѣ (субстанціальныя дѣятели) сверхпространственно и сверхвременно, слѣдовательно, оно ни въ какомъ смыслѣ

слова не есть матерія, и даже оно не есть душа. Міровоззрѣніе, учитывающее это строеніе міра, свободно отъ односторонности какъ идеализма, такъ и матеріализма: оно есть идеаль-реализмъ. Усмотрѣть основныя начала и органическую цѣлость его можно не иначе, какъ посредствомъ *умозрѣнія*. Безъ этой способности нельзя увидѣть той стороны міра, которая составляетъ специфическій предметъ изслѣдованія философіи и оправдываетъ существованіе ея рядомъ съ частными науками, математикою, физикою, фізіологією, психологією и т. д. Иными словами, такое лицо неспособно къ занятіямъ философією. Провѣрить свою способность къ философіи можно путемъ чтенія „Логики“ Гегеля въ краткомъ изложеніи, т. е. путемъ чтенія первой части „Энциклопедіи философскихъ наукъ“. Кто, прочитавъ эту книгу, понялъ ее, тотъ способенъ къ занятіямъ философією и навсегда излѣченъ отъ склонности къ матеріализму.

Мнѣ скажутъ, опираясь на исторію современной мысли, что я неправъ: именно на основѣ „Науки логики“ Гегеля возникъ новый видъ матеріалистической философіи—діалектическій матеріализмъ. Посмотримъ, какъ осуществилось это чудо.

3. Діалектическій матеріализмъ.

Въ СССР государственнo обязательно опредѣленная философская система, именно матеріализмъ Маркса и Энгельса, называемый діалектическимъ (сокращенно—диаматъ). До 1925 г. многіе совѣтскіе философы и особенно натуралисты, подчеркивая свою вѣрность марксизму, не особенно ясно отдавали себѣ отчетъ въ различіи діалекческаго и механистическаго матеріализма. Въ 1925 г. впервые была напечатана рукопись Энгельса „Діалектика природы“ (написана въ 1873, 1878—1882 гг.), которая вызвала рѣзкій расколъ совѣтскихъ марксистовъ на „діалектиковъ“ и „механистовъ“. Разгорѣлась фанатическая борьба „на два фронта“—противъ „меньшевиствующаго идеализма и механи-

стического матеріалізма“. Очертанія діалектическаго матеріалізма опредѣлились ясно. *)

Разсмотримъ сначала, что разумѣють подъ словомъ матеріалізмъ сторонники діалектическаго матеріалізма. Энгельсъ говоритъ и Ленинъ вслѣдъ за нимъ сочувственно повторяетъ, что философы дѣлятся на матеріалистовъ, идеалистовъ и агностиковъ. Для матеріалистовъ, говоритъ Ленинъ, матерія, природа (бытіе физическое) есть первичное, а духъ, сознаніе, ощущеніе, психическое—вторичное. Для идеалистовъ, наоборотъ, духъ есть первичное. Агностики отрицають познаваемость міра или существенныхъ основъ его.**)

„Въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ движущейся матеріи, и движущаяся матерія не можетъ двигаться иначе, какъ въ пространствѣ и во времени“ (Лен., 143). Основные формы всякаго бытія суть пространство и время: бытіе внѣ времени представляетъ столь же великій абсурдъ, какъ и бытіе внѣ пространства“ (Энг., Анти-Дюрингъ, 4 русское изд., стр. 39).

На основаніи сказаннаго до сихъ поръ можетъ показаться, что діалектическій матеріалізмъ полагаетъ въ основу своей системы такое же ясное и определенное понятіе матеріи, какъ и матеріалізмъ механистическій: матерія есть протяженное, непроницаемое бытіе, движущееся, т. е. перемѣщающееся въ пространствѣ. Сейчасъ мы увидимъ, однако, что это не такъ.

„Понятіе матеріи употребляется въ двухъ смыслахъ“, говоритъ Быховскій. „Мы различаемъ философское понятіе матеріи и ея физическое понятіе. Это

*) Въ своемъ изложеніи діалектическаго матеріалізма я буду имѣть въ виду преимущественно слѣдующія книги и статьи: Энгельсъ „Діалектика природы“, со вступит. статьей Д. Рязанова „Марксъ и Энгельсъ о діалектикѣ природы“, 4 изд. 1930 г.; Ленинъ „Матеріалізмъ и эмпириокритицизмъ“, Собр. соч., т. X; Деборинъ „Гегель и діалектическій матеріалізмъ“, вступит. статья къ переводу собр. соч. Гегеля, т. I, 2 изд. 1929 г.; Б. Быховскій „Очеркъ философіи діалектическаго матеріалізма“; И. Лупноль „На два фронта“, 1930 г.; В. Познеръ „Діалектическій матеріалізмъ—философія пролетаріата“, 1933 г. Цитирую эти книги, я буду указывать заглавія ихъ очень сокращенно.

**) Ленинъ „Матеріалізмъ и эмп.“, 118, 18; Энгельсъ „Людвигъ Фейербахъ“.

не два противорѣчащія понятія, а опредѣленіе единой матеріи съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія“ (78). Слѣдую Гольбаху, Плеханову и цитируя Ленина, онъ опредѣляетъ матерію съ философской, теоретико-познавательной точки зрѣнія, какъ то, „что, дѣйствуя на наши органы чувствъ, производитъ ощущение; матерія есть объективная реальность, данная намъ въ ощущеніи“ (Ленинъ, 117). Въ этомъ опредѣленіи содержится лишь признаніе объективной реальности, т. е. независимаго отъ нашего сознанія существованія матеріи и „чувственное происхождение знанія о ней“ (Бых., 78), но не указано, каковы свойства ея. Мы ждемъ, что опредѣленіе матеріи съ точки зрѣнія физики дастъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не тутъ-то было! „Что значитъ дать опредѣленіе?“ спрашиваютъ Ленинъ, Быховскій и др. Это значитъ подвести понятіе подъ болѣе общее родовое понятіе, какъ одинъ изъ видовъ его, и указать видовой отличительный признакъ его (напр., въ опредѣленіи „квадратъ есть равносторонній прямоугольникъ“ — прямоугольникъ—родовое понятіе, а „равносторонній“—видовой отличительный признакъ). Но „матерію невозможно опредѣлить черезъ ея родъ и видовое отличіе, такъ какъ матерія есть *все* существующее, самое общее понятіе, родъ всѣхъ родовъ. Все, что есть, является разными видами матеріи, сама же матерія не можетъ опредѣляться, какъ частный случай какого-то рода. Потому же нельзя указать и видового отличія матеріи. Если матерія есть *все* существующее, то немислимо искать ея отличительныя признаки отъ другого чего-либо, такъ какъ этимъ другимъ можетъ быть лишь несуществующее, т. е. его не можетъ быть“.*)

Итакъ, діалектики-матеріалисты очень упростили свою задачу обоснованія матеріалистическаго міровоззрѣнія. Безъ всякихъ доказательствъ они утверждаютъ: „матерія есть *все* существующее“, „бытіе по самому существу своему есть категория *матеріальная*“ (Деборинъ, ХLI). Теперь можно будетъ, слѣдую требованіямъ современной науки и философіи, приписы-

*) Бых., 78; Лен., 118.

вать „бытію“ самыя разнообразныя проявленія, свойства и способности, весьма далекія отъ матеріальности, и тѣмъ не менѣе называть свое ученіе матеріализмомъ, ссылаясь на то, что вѣдь „матерія есть *все существующее*“. Энгельсъ въ своей „Діалектикѣ природы“ указываетъ путь, идя которымъ можно узнать, что такое матерія: „разъ мы познали формы движенія матеріи (для чего, правда, намъ не хватаетъ еще очень многого ввиду кратковременности существованія естествознанія), то мы познали и самое матерію, и этимъ исчерпывается познаніе“ (Энг. 17). Это заявленіе звучитъ очень матеріалистически, если подъ словомъ движеніе разумѣть то, что общепринято въ наукѣ, именно перемѣщеніе въ пространствѣ. Однако, уже на слѣдующей страницѣ онъ поясняетъ, что діалектическій матеріализмъ обозначаетъ словомъ движеніе „измѣненіе вообще“ (18, 163). Всѣ діалектики-матеріалисты принимаютъ это словоупотребленіе: словомъ движеніе они обозначаютъ не только перемѣщеніе въ пространствѣ, но и всякое качественное измѣненіе. Такимъ образомъ, до сихъ поръ мы знаемъ о матеріи лишь слѣдующее: матерія есть все существующее и измѣняющееся. На будемъ, однако, отчаяваться: знакомясь съ борьбою „діалектиковъ“ противъ механистическаго матеріализма и съ другими ихъ ученіями, можно получить нѣкоторое опредѣленное представленіе о характерѣ ихъ философіи.

Метафизическая философія, говоритъ Энгельсъ, подразумѣвая здѣсь также и механистическій матеріализмъ, имѣетъ дѣло „съ неизмѣнными категоріями“, а діалектическая—„съ текучими“ (Энг., стр. 1с.). Такъ, напр., согласно механистическому матеріализму, мельчайшія частицы неизмѣнны и одинаковы. Но, говоритъ Энгельсъ, „естествознаніе, стремящееся отыскать единую матерію какъ таковую, стремящееся свести качественныя различія къ чисто количественнымъ различіямъ состава тождественныхъ мельчайшихъ частицъ, поступаетъ такъ, какъ оно поступало бы, если бы вмѣсто вишенъ, грушъ, яблокъ оно искало плодъ какъ таковой, вмѣсто кошекъ, собакъ, овецъ и т. д. искало млекопитающее какъ таковое, газъ какъ тако-

вой, металлъ какъ таковой, камень какъ таковой, химическое соединеніе какъ таковое, движеніе какъ таковое“. „Эта односторонняя математическая точка зрѣнія, согласно которой матерія опредѣлима только количественнымъ образомъ, а качественно исконно одинакова, является именно точкой зрѣнія французскаго матеріализма XVIII столѣтія“ (Энг. 103; Лупполь, 146 с.). Діалектическій матеріализмъ свободенъ отъ односторонностей механицизма, такъ какъ руководится слѣдующими тремя законами діалектики, которые отвлечены „изъ исторіи природы и человѣческаго общества“: „Законъ перехода количества въ качество, и обратно; законъ взаимнаго проникновенія противоположностей; законъ отрицанія отрицанія“ (стр. 157).

Второй и третій законъ были изложены выше въ главѣ о діалектическомъ методѣ Гегеля, а первый состоитъ въ томъ, что количественныя измѣненія на опредѣленной ступени приводятъ къ скачкообразному измѣненію качества. Къ тому же, вообще „качества нѣтъ безъ количества и количества нѣтъ безъ качества“ (Деб. XX).

Движеніе, т. е. всякое измѣненіе, насквозь діалектично. „Основная, главная черта всякаго измѣненія, какъ намъ извѣстно, заключается въ томъ, что нѣкоторая вещь въ своемъ движеніи отрицается, что она перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была, пріобрѣтаетъ новыя формы существованія“. „При переходѣ въ новое качество, въ процессѣ возникновенія новаго, прежнее качество не безслѣдно и безвѣстно уничтожается, а входитъ въ новое качество, какъ подчиненный моментъ. Отрицаніе есть, пользуясь обычнымъ въ діалектикѣ терминомъ, „снятіе“. Снятіе чего-либо есть такое отрицаніе вещи, при которомъ она оканчивается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняется на новой ступени“. „Такъ усваивается пища или кислородъ организмомъ, претворяясь въ немъ; такъ сохраняетъ растеніе питательные соки почвы; такъ исторія науки и искусства поглощаетъ наслѣдіе прошлаго. То, что остается отъ предыдущаго, стараго, подчиняется новымъ законамъ развитія, оно попадаетъ въ орбиту новыхъ движеній, впрягается въ колесницу новаго

качества. Превращеніе энергіи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сохраненіе энергіи. Уничтоженіе капитализма есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и поглощеніе техническихъ и культурныхъ итоговъ развитія капитализма. Возникновеніе высшихъ формъ движенія есть не уничтоженіе низшихъ, а ихъ снятіе. Механическіе законы существуютъ въ предѣлахъ высшихъ формъ движенія, какъ побочные, подчиненные, снятые“.

„Какъ протекаетъ дальнѣйшее развитіе вещи? Послѣ того, какъ нѣкоторая вещь превратилась въ свою противоположность и „сняла“ предшествовавшее состояніе, развитіе продолжается на новой основѣ, причемъ на извѣстной ступени этого развитія вещь снова, во второй разъ, превращается въ свою противоположность. Значить ли это, что при второмъ отрицаніи вещь возвращается къ своему первоначальному состоянію“. „Нѣтъ, не значить. Второе отрицаніе, или, пользуясь обычной у діалектиковъ терминологіей, отрицаніе отрицанія не есть возвращеніе вспять къ первоначальному состоянію. Отрицаніе отрицанія означаетъ снятіе какъ первой, такъ и второй стадіи развитія, возвышеніе надъ обѣими“ (Бых. 208 с.). „Здѣсь совершается не движеніе по кругу, а по винту (209), или по спирали“.*)

Противоположность, въ которую превращается вещь въ своемъ развитіи, есть „нѣчто большее, чѣмъ простое различіе“, поясняетъ Быховскій. Противоположность „есть квалифицированное различіе“, „внутреннее, существенное, необходимое, непримиримое различіе въ опредѣленномъ отношеніи“. „Весь міръ представляетъ собой ни что иное, какъ единство такихъ противоположностей, раздвоенное единство, содержащее въ себѣ полярности“. „Электрическіе и магнитные процессы являютъ собой единство противоположностей“. „Матерія—единство протоновъ и электроновъ, единство непрерывной волны и прерывной частицы. Нѣтъ дѣйствія безъ проводимости. Всякое возникновеніе есть необходимое вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіе чего-нибудь“. „Выживаніе болѣе

*) Ленинъ, Карлъ Марксъ, собр. соч., 2 изд., т. XVIII, стр. 11.

приспособленнихъ есть вымираніе менѣе приспособленнихъ. Классовое общество есть единство противоположностей“. „Пролетаріатъ и буржуазія являются соціальными категоріями, въ которыхъ различіе находится на уровнѣ противоположности“. (Бых. 211). Такимъ образомъ, „движущійся міръ есть противорѣчивое въ себѣ единство“ (Бых. 213). Основной принципъ діалектическаго міропониманія гласить, что „міръ есть раздвоенное въ себѣ единство, единство противоположностей, носитель внутреннихъ противорѣчій“.*) „Объективная діалектика“, т. е. движеніе путемъ противоположностей, „царитъ во всей природѣ“, говоритъ Энгельсъ.**)

Усмотрѣніе единства противоположностей въ природѣ, говоритъ Ленинъ, есть „условіе познанія всѣхъ процессовъ міра въ ихъ *самодвиженіи*, въ ихъ спонтанейномъ развитіи, въ ихъ живой жизни“.***)

Здѣсь обнаруживается глубокое отличіе діалекческаго матеріализма отъ механистическаго. „Для механиста“, говоритъ Быховскій, „противорѣчіе есть механическое противорѣчіе, противорѣчіе сталкивающихся вещей, противоположно направленныхъ силъ. При механическомъ пониманіи движенія противорѣчіе можетъ быть только внѣшнимъ, а не внутреннимъ, оно не является противорѣчіемъ, содержащимся и совершающимся въ единствѣ, между его элементами нѣтъ внутренней необходимой связи“. „Отчетливо выраженнымъ образцомъ методологіи, основанной на подмѣнѣ діалектическаго принципа единства противоположностей механическимъ принципомъ столкновенія противоположно направленныхъ силъ, можетъ служить „теорія равновѣсія“ (А. Богдановъ, Н. Бухаринъ). Согласно этому ученію, „равновѣсіемъ называется такое состояніе вещи, когда она сама по себѣ, безъ извнѣ приложенной энергіи, не можетъ измѣнить даннаго состоянія“. „Нарушеніе равновѣсія есть результатъ столкновенія противоположно направленныхъ силъ“, именно

*) Бых., 213; Познеръ, 59.

**) Энг., 42; Деб., LXXXI, СІ.

***) Ленинъ. Къ вопросу о діалектикѣ „Подъ знаменемъ марксизма“, 1925, № 5—6, стр. 14с.

силъ какой-либо системы и силъ окружающей ее среды. Основные различія между этою механистическою теорією равновѣсія и діалектическою таковы: Во-первыхъ, „съ точки зрѣнія теоріи равновѣсія, не существуетъ имманентнаго возникновенія различій, раздвоенія еди-наго, взаимнаго проникновенія противоположностей“. „Противоположность отрывается отъ единства, антагонистическіе элементы внѣшни, чужды другъ другу, независимы другъ отъ друга, ихъ противорѣчіе является случайнымъ. Во-вторыхъ, внутреннія противорѣчія, какъ движущая сила развитія, замѣняются внѣшними противорѣчіями, столкновениемъ системы и среды. Самодвиженіе замѣняется движениемъ въ силу внѣшняго воздѣйствія, толчка. Внутреннія отношенія въ системѣ низводятся до степени производныхъ, зависимыхъ отъ внѣшнихъ отношеній. Внутреннія закономерности качественно-опредѣленныхъ вещей изъ движущей силы развитія превращаются въ функцію внѣшнихъ связей предметовъ. Въ-третьихъ, теорія равновѣсія сводитъ все многообразіе формъ движенія къ механическому столкновению тѣлъ. Заимствованная изъ механики схема равновѣсія поглощаетъ богатство высшихъ надмеханическихъ (біологическихъ, соціальныхъ) видовъ развитія. Въ-четвертыхъ, въ теоріи равновѣсія взаимоотношенія между движениемъ и покоемъ становятся наголову. Она есть ученіе о равновѣсіи, хотя и подвижномъ, относительномъ. Движеніе въ теоріи равновѣсія есть форма покоя, а не наоборотъ. Не движеніе несетъ въ себѣ покой, равновѣсіе, а равновѣсіе является носителемъ движенія. Въ-пятыхъ, теорія равновѣсія есть теорія абстрактнаго количественнаго измѣненія“. „Большая сила опредѣляетъ направленіе меньшей“. „Переходъ въ новое качество, возникновеніе новыхъ формъ развитія, иныхъ закономерностей, — все это не укладывается въ плоскую дубоватую схему равновѣсія. Наконецъ, въ-шестыхъ, отрицаніе отрицанія, снятіе положительнаго и отрицательнаго моментовъ развитія, возникновеніе новаго механисты замѣняютъ возстановленіемъ равновѣсія между системой и средой“. *)

*) Быховскій, 213 сс.

Поскольку измѣненіе есть діалектическое само-
движеніе на основѣ внутреннихъ противорѣчій, оно
заслуживаетъ названія *развитія*, оно, какъ сказалъ
Ленинъ и повторяетъ вслѣдъ за нимъ Деборинъ,
имѣетъ характеръ *имманентный*. „Предметъ *необхо-
димо* развивается въ *опредѣленномъ* направленіи и мо-
жетъ развиваться въ другомъ направленіи, благодаря
его имманентной природѣ, благодаря его сущности“
(Деб. ХСVI).

Теперь мы не удивимся, найдя у Ленина указаніе
на *творческий* характеръ развитія. Ленинъ различаетъ
„двѣ концепціи развитія (эволюціи): развитіе, какъ
уменьшеніе и увеличеніе, какъ повтореніе. И развитіе,
какъ единство противоположностей (раздвоеніе единаго
на взаимоисключающія противоположности и взаимо-
отношеніе между ними). Первая концепція мертва,
бѣдна, суха. Вторая жизненна. *Только* вторая даетъ
ключъ къ самодвиженію всего сущаго; только она
даетъ ключъ къ скачкамъ, къ „перерыву постепенно-
сти“, къ „превращенію въ противоположность“, къ
„уничтоженію стараго и возникновенію новаго“. *)

Въ статьѣ „Карлъ Марксъ“ Ленинъ указываетъ
слѣдующія черты діалектическаго ученія о развитіи:
„развитіе, какъ бы повторяющее пройденныя уже сту-
пени, но повторяющее ихъ иначе, на болѣе высокой
базѣ (отрицаніе отрицанія), развитіе, такъ сказать, по
спирали, а не по прямой линіи; развитіе скачкообраз-
ное, катастрофическое, революціонное; перерывы по-
степенности; превращеніе количества въ качество; вну-
тренніе импульсы къ развитію, даваемые противорѣ-
чіемъ, столкновеніемъ различныхъ силъ и тенденцій,
дѣйствующихъ на данное тѣло или въ предѣлахъ дан-
наго явленія, или внутри даннаго общества, взаимозави-
симость и тѣснѣйшая неразрывная связь *всѣхъ* сторонъ
каждаго явленія (причемъ исторія открываетъ все но-
выя и новыя стороны), связь, дающая единый законо-
мѣрный міровой процессъ движенія, — таковы нѣкото-

*) Ленинъ, къ вопросу о діалектикѣ, „Подъ знаменемъ марк-
сизма“, 1925 г., № 5—6, стр. 15.

рых черты діалектики какъ болѣе содержательнаго (чѣмъ обычное) ученія о развитіи“. *)

Если эволюція, согласно Ленину, имѣетъ *творческий* характеръ, если она при этомъ есть имманентное, содержащее „внутренніе импульсы“, „спонтанейное“ (самопроизвольное) самодвиженіе, то понятно, что о переходѣ отъ однихъ ступеней бытія къ другимъ можно говорить не только какъ о фактѣ, но и какъ о цѣнности. „Всякій процессъ развитія“, говоритъ Деборинъ, „есть восхожденіе отъ низшихъ формъ или ступеней къ высшимъ, отъ абстрактныхъ, болѣе бѣдныхъ опредѣленій къ опредѣленіямъ болѣе богатымъ, содержательнымъ, конкретнымъ. Высшая ступень содержитъ въ себѣ низшія, какъ „снятыя“, т. е. какъ бывшія самостоятельными, но ставшія несамостоятельными. Низшая форма развилась въ высшую; тѣмъ самымъ она не исчезла безслѣдно, а сама превратилась въ иную, высшую форму“ (Деб. ХСV). Далѣе, отсюда понятно, что діалектическое самодвиженіе можетъ быть названо *историческимъ* процессомъ. „Высшая форма связана съ низшей“, продолжаетъ Деборинъ, „и поэтому результата не существуетъ безъ *пути развитія*, приведшаго къ нему. Всякое данное явленіе, или всякая данная форма должна разсматриваться, какъ *развившаяся, какъ ставшая*, т. е. мы должны ихъ разсматривать, какъ историческія образованія“. Марксъ и Энгельсъ, говоритъ Рязановъ, „устанавливаютъ *историчность* явленій природы и общества“. **)

Даже неорганическая природа находится въ состояніи развитія, превращенія. Рязановъ ссылается на слѣдующія слова Маркса: „Даже элементы не остаются въ спокойномъ состояніи, — пишетъ Марксъ. — Они непрерывно превращаются другъ въ друга, и превращеніе это образуетъ первую ступень жизни земли, метеорологическій процессъ. Въ жизни орга-

*) Ленинъ, „Карлъ Марксъ“, собр. соч. изд. 2, т. XVIII, стр. 11с.

**) Деборинъ, ХСV с.; Рязановъ, XVIII. О понятіи историческаго развитія, какъ такой системы, въ которой настоящее возникаетъ подъ вліяніемъ *самого прошлаго*, а не только слѣдствій его, непосредственно примыкающихъ къ настоящему, см. мою брошюру „Интуитивная философія Бергсона“, гл. I.

низма исчезаетъ всякій слѣдъ различныхъ элементовъ какъ таковыхъ“.*) Въ этихъ словахъ достаточно ясно выражено убѣжденіе Маркса, что высшія ступени мірового бытія качественно глубоко отличны отъ низшихъ и потому не могутъ быть поняты, какъ только все болѣе усложняющіеся агрегаты низшихъ, простѣйшихъ элементовъ. Эта мысль особенно подчеркнута въ современномъ Совѣтскомъ діалектическомъ материализмѣ. Она рѣзко отграничиваетъ его отъ механистическаго матеріализма. „Сводитъ сложное къ простому, значитъ—отказаться отъ пониманія сложнаго“, говоритъ Быховскій. „Сводитъ все многообразіе закономерностей міра къ механическимъ закономерностямъ, значитъ—отказаться познать какія бы то ни было закономерности, кромѣ простѣйшихъ механическихъ, это значитъ ограничить познаніе пониманіемъ только элементарныхъ формъ движенія“. „Атомъ состоитъ изъ электроновъ, но закономерности существованія атома не исчерпываются законами движенія отдѣльныхъ электроновъ. Молекула состоитъ изъ атомовъ, но не исчерпывается закономерностями жизни атомовъ. Клѣтка состоитъ изъ молекулъ, организмъ—изъ клѣтокъ, біологическій видъ—изъ организмовъ, но они не исчерпываются законами жизни своихъ элементовъ. Общество состоитъ изъ организмовъ, но его развитіе нельзя познать изъ законовъ жизни организмовъ“. „Существуютъ три основныя, главныя области дѣйствительности: неорганический міръ, органический міръ (въ которомъ возникновеніе сознанія въ свою очередь образуетъ первостепенной значимости перерывъ) и міръ соціальный. Формы движенія каждой изъ этихъ областей являются несводимыми къ другимъ, качественно своеобразными и въ то же время возникшими изъ другихъ“. Механистъ сводитъ органическіе законы къ механическимъ, „а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальныя законы, сведенные къ біологическимъ, тоже растворяются въ закономерностяхъ механики“. Для него соціологія превращается въ коллективную

*) Рязановъ, XVII; цитату онъ беретъ изъ статьи Маркса „О сословныхъ комиссіяхъ въ Пруссіи“.

рефлексологию (Бехтеревъ). Между тѣмъ, въ дѣйствительности, каждая высшая ступень подчинена своимъ особымъ законамъ, эти „специфическія закономѣрности, надмеханическіе виды развитія не противорѣчатъ механическимъ законамъ и не исключаютъ ихъ наличія, а возвышаются надъ ними, какъ второстепенными, подчиненными“.*)

Энгельсъ говоритъ: „каждая изъ высшихъ формъ движенія связана всегда необходимымъ образомъ съ реальнымъ механическимъ (внѣшнимъ или молекулярнымъ) движеніемъ, подобно тому, какъ высшія формы движенія производятъ одновременно и другіе виды движенія; химическое дѣйствіе невозможно безъ измѣненія температуры и электричества, органическая жизнь невозможна безъ механическихъ, молекулярныхъ, химическихъ, термическихъ, электрическихъ и т. д. измѣненій. Но наличіе этихъ побочныхъ формъ не исчерпываетъ существа главной формы въ каждомъ случаѣ. Мы, несомнѣнно, „сведемъ“ когда-нибудь экспериментальнымъ образомъ мышленіе къ молекулярнымъ и химическимъ движеніямъ въ мозгу; но исчерпывается ли этимъ сущность мышленія?“ (Энг., стр. 18). Такимъ образомъ, все подчинено законамъ механики, но не только имъ однимъ.

Ученіе о невозможности безостаточнаго разложенія законовъ высшихъ формъ бытія на законы низшихъ ступеней его широко распространено въ философіи. Такъ, оно входитъ въ составъ позитивизма Конта; въ германской философіи оно стоитъ въ связи съ ученіями о томъ, что высшіе этажи бытія обоснованы (фундированы) на низшихъ, но качественно своеобразны; въ англійской философіи оно имѣетъ характеръ ученія объ emergent evolution, т. е. о творческой эволюціи, создающей новыя ступени бытія, качества которыхъ не суть только результаты качествъ входящихъ въ нихъ элементовъ.**)

*) Быховскій, 202—204; Егоршинъ, „Естествознаніе, философія и марксизм“, 1930, стр. 188; Познеръ, 62, 64.

**) См., напр., Lloyd Morgan, „Emergent Evolution“; S. Alexander, „Space, Time and Deity“, и др.

Кто утверждаетъ, что „матерія есть все существующее“, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ творческую эволюцію, тотъ долженъ надѣлать матерію способностью къ творческой активности. „Матерія“, говоритъ Егоршинъ, „чрезвычайно богата и имѣетъ множество формъ. Свои качества матерія получаетъ не отъ духа, а она сама обладаетъ свойствомъ создавать ихъ, въ томъ числѣ и самый духъ“ (168).

Что же такое эта таинственная матерія, столь богатая возможностями и способностями, но оставленная въ діалектическомъ матеріализмѣ безъ всякаго онтологическаго опредѣленія? Поставимъ вопросъ, существенный для онтологіи (для науки объ элементахъ и аспектахъ бытія), есть ли матерія *субстанція*, или она есть только комплексъ событий, т. е. временныхъ и пространственно-временныхъ процессовъ. Если она есть субстанція, то она есть носитель и творческій источникъ событий, именно такое начало, которое само уже не есть только событіе.

Матеріалисты-революціонеры, занимающіеся философіей не изъ любви къ истинѣ, а ради узко практической цѣли, именно для выработки орудія, разлагающаго старую общественную жизнь, не занимаются такими вопросами, требующими углубленнаго анализа. Однако, у Ленина, въ связи съ его нападеніями на эмпириокритицизмъ и махизмъ, которые отрицаютъ субстанціальныя основы бытія, можно найти данныя для отвѣта на интересующій насъ вопросъ.

Возражая Авенаріусу и Маху, устраняющимъ понятіе субстанціи, Ленинъ говоритъ, что у нихъ получается „ощущеніе безъ матеріи, мысль безъ мозга“ (138), и считаетъ нелѣпымъ ученіе, въ которомъ „вмѣсто мысли, представленія, ощущенія живого чловѣка берется мертвая абстракція: ничья мысль, ничье представленіе, ничье ощущеніе“ (225). Но, можетъ быть, Ленинъ думаетъ, что матерія, которая ощущаетъ (мозгъ), сама есть только совокупность движеній? Нѣтъ, въ параграфѣ, озаглавленномъ „Мыслимо ли движеніе безъ матеріи?“ онъ рѣзко выступаетъ, ссылаясь, между прочимъ, на Энгельса и Дицгена, противъ всякихъ попытокъ мыслить движеніе безъ матеріи

(223). „Діалектичеській матеріалістъ не только считаетъ движеніе неразрывнымъ свойствомъ матеріи, но и отвергаетъ упрощенный взглядъ на движеніе“ (226), т. е. тотъ взглядъ, согласно которому движеніе есть ничье движеніе: „движется“ и баста (224). Правильно поэтому поступаетъ Деборинъ, когда вводитъ терминъ субстанція: „въ матеріалистической системѣ логики центральнымъ понятіемъ должна являться *матерія*, какъ субстанція“, и сочувственно истолковываетъ спинозовское понятіе субстанціи, какъ ученіе о „творящей силѣ“ (ХС, ХСІ). Самъ Ленинъ не пользуется терминомъ субстанція: онъ говоритъ, что это слово гг. профессора любятъ употреблять „для ради важности“ вмѣсто болѣе точнаго и яснаго *матерія*“ (138); однако, изъ приведенныхъ цитатъ видно, что его толковый умъ различалъ два важные аспекта строенія бытія—событія, съ одной стороны, и творчеській источникъ событій, съ другой стороны. Отсюда слѣдовало бы ему понять, что терминъ субстанція нуженъ не для „важности“, а для ясности и точности.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшему и для защиты, и для опроверженія матеріализма вопросу о мѣстѣ сознанія и психическаго процесса въ природѣ. Къ сожалѣнію, діалектичеськіе матеріалисты, говоря объ этихъ вопросахъ, не разграничиваютъ столь различные предметы изслѣдованія, какъ сознаніе, психическій процессъ и мышленіе. Къ этому ряду они еще прибавляютъ ощущение, какъ низшую форму сознанія. Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отличіи этихъ предметовъ другъ отъ друга, чтобы легче было разобратъ въ ученіяхъ діалектичеськаго матеріализма. Сначала займемся анализомъ человѣческаго сознанія.

Сознаніе всегда двусторонне: нѣкто сознающій и нѣчто сознаваемое; назовемъ эти двѣ стороны терминами—субъектъ сознанія и объектъ (предметъ) сознанія. Въ случаѣ человѣческаго сознанія субъектъ сознанія есть я человѣка. Сущность сознанія состоитъ въ томъ, что сознаваемое (чувствуемая радость, слышимый звукъ, видимый цвѣтъ и т. п.) нѣкоторымъ интимнымъ образомъ существуютъ не только въ себѣ, но и для субъекта. Въ современной философіи и психологіи

широко распространено учение о томъ, что для сознанія, кромѣ субъекта и объекта, необходимъ еще особый психическій актъ сознанія, направленный субъектомъ на объектъ (на радость, звукъ, цвѣтъ). Такие психическіе акты называются *интенціональными*: они направлены на объектъ и безъ объекта не имѣютъ смысла, они не измѣняютъ объекта, но вводятъ объектъ въ составъ сознанія и знанія субъекта. Сознаніе объекта еще не есть знаніе о немъ; членъ футбольной команды, только что одержавшій побѣду, можетъ бурно радоваться вовсе не *наблюдая* въ себѣ это чувство, будучи занятымъ живыми разсказами о подробностяхъ состязанія. Если же онъ психологъ, онъ можетъ сосредоточить вниманіе на своемъ чувствѣ радости и *опознать* его, напр., какъ ликование съ оттѣнкомъ торжества надъ побѣжденнымъ противникомъ; онъ имѣетъ тогда не только переживаніе чувства, но и представленіе этого чувства и даже сужденіе о немъ; для этихъ знаній о чувствѣ необходимо совершить, кромѣ акта сознанія, еще рядъ дополнительныхъ интенціональныхъ актовъ, напр., актъ сравненія даннаго чувства съ другими психическими состояніями, актъ различенія и т. п.

Согласно теоріи знанія, которую я называю интуитивизмомъ, опознаніе моего чувства мною въ формѣ представленія о немъ или даже сужденія, не есть замѣна чувства образомъ его, копіею, символомъ и т. п.: мое знаніе о моемъ чувствѣ радости есть непосредственное имѣніе въ виду самого этого чувства въ подлинникъ (*интуиція*, направленная на это чувство), но такъ, что, благодаря сопоставленію его съ другими состояніями и прослѣживанію соотношеній его съ ними, я могу дать себѣ и другимъ отчетъ о немъ, различить въ немъ разныя его стороны (мысленный анализъ) и указать его связи съ міромъ.

Психическое состояніе можно сознать, не направляя на него интенціональныхъ актовъ сравненія, различенія и т. п.; тогда оно остается только сознаннымъ, но не опознаннымъ. Мало того, возможно еще большее упрощеніе душевной жизни: иногда психическое состояніе осуществляется безъ направленного

на него акта сознанія, тогда оно остается подсознательнымъ или безсознательнымъ психическимъ переживаніемъ. Такъ, пѣвица, слушая свою соперницу, можетъ высказывать критическія замѣчанія о пѣніи ея подѣ влияніемъ безсознательнаго чувства зависти, которое собесѣдникъ ея улавливаетъ по выраженію ея лица и интонаціямъ голоса. Сказать, что безсознательное психическое есть на дѣлѣ вовсе не психическое состояніе, а чисто матеріальный процессъ въ центральной нервной системѣ, никоимъ образомъ нельзя. Даже такой простой актъ, какъ безсознательное стремленіе, во время живой бесѣды за столомъ, взять лежащій передо мною кусокъ хлѣба и съѣсть его, нельзя разсматривать, какъ чисто матеріальный процессъ, лишенный внутреннихъ психическихъ состояній и состоящій только изъ центробѣжныхъ токовъ въ нервной системѣ: выше было уже показано, что даже и въ неорганической средѣ всякое отталкиваніе и притяженіе можетъ осуществиться не иначе, какъ на основѣ предшествующаго ему внутреннего состоянія, психоиднаго стремленія къ отталкиванію или притяженію въ опредѣленномъ направленіи. Осознавая и опознавая такое *внутреннее* состояніе, какъ *стремленіе*, и такой внѣшній процессъ, какъ *перемѣщеніе* частицъ вещества въ *пространствѣ*, мы съ абсолютною достовѣрностью видимъ, что это два глубоко отличныя другъ отъ друга событія, хотя они и тѣсно спаяны другъ съ другомъ.

Итакъ, сознаніе и психическое не тождественныя понятія: возможно безсознательное (или подсознательное) психическое. Сейчасъ мы увидимъ, что различіе этихъ понятій идетъ еще дальше. Согласно ученію интуитивизма, познающій субъектъ способенъ направлять непосредственно свои акты сознанія и познанія не только на свои душевныя состоянія, но и на свои тѣлесныя процессы и даже на внѣшній міръ въ подлинникъ: паденіе камня, горько плачущій ребенокъ, прищемившій палецъ дверью, могутъ быть непосредственно сознаны и познаны мною такъ, какъ они существуютъ, независимо отъ моихъ актовъ вниманія и т. п., направленныхъ на нихъ. Человѣческое я такъ

тѣсно спаяно съ міромъ, что можетъ заглядывать прямо въ составъ чужого бытія. *)

Согласно этому ученію, когда я наблюдаю паденіе камня, этотъ матеріальный процессъ становится *имманентнымъ* моему сознанию, но остается *трансцендентнымъ* мнѣ, какъ субъекту сознания, онъ не становится моимъ психическимъ процессомъ. Въ случаѣ сознанія и знанія этого предмета къ области психического относятся мои акты вниманія, различенія и т. п., а само различаемое—форма и цвѣтъ камня, его перемѣщеніе и т. п. есть матеріальный процессъ. Въ составѣ сознанія и знанія нужно различать субъективную и объективную сторону: только субъективная сторона, мои интенціональные акты, есть непременно психическій процессъ, а объективною стороною можетъ быть любое бытіе изъ состава міра: матеріальный процессъ, чужое психическое, мое психическое, социальное, идеальное (невременное и непространственное) и т. п.

Отсюда ясно, что психическое и сознание не тождественны: психическое можетъ быть безсознательнымъ; въ сознаніи могутъ быть элементы непсихическіе.

Мышленіе есть важнѣйшая сторона познавательнаго процесса: это интенціональный психическій актъ, направленный на мыслимое (нечувственное), именно на *идеальную* (т. е. невременную и непространственную) сторону предметовъ, напр., на *отношенія*. Мыслимое, напр., отношенія, наличествуетъ въ познающемъ сознаніи въ подлинникѣ, и, какъ сказано, оно не есть ни психическій, ни матеріальный процессъ: оно идеально.

Что представляетъ собою ощущеніе, напр., краснаго цвѣта, музыкальнаго тона *la*, тепла и т. п.? Яв-

*) Отвѣтъ на вопросы, возникающіе въ связи съ теоріею интуиции, какъ способности субъекта непосредственно созерцать предметы внѣшняго міра въ подлинникѣ, напр., на вопросъ о роли органовъ чувствъ, см. въ моихъ книгахъ и статьяхъ, особенно въ статьѣ „Интуитивизмъ и ученіе о транссубъективности чувственныхъ качествъ“, Зап. Русскаго Научн. Инст. въ Бѣлградѣ, вып. 5, также въ гносеологическомъ введеніи въ „Логику“, въ „Обоснованіи интуитивизма“ и т. п.

нымъ образомъ цвѣта, звуки и т. п. суть нѣчто, кореннымъ образомъ отличное отъ *психическихъ* состояній субъекта, отъ его чувствъ, желаній, стремленій. Они суть физическія качества, связанныя съ механическими матеріальными процессами, напр., звукъ съ воздушными волнами или вообще колебаніями матеріальныхъ частицъ. Только акты *сознаванія*, акты, такъ сказать, ощущанія, направленные на нихъ, суть психическіе процессы.

Послѣ этого длиннаго отступленія можно попробовать разобраться въ неясныхъ ученіяхъ діалектическаго матеріализма о психической жизни.

„Ощущеніе, мысль, сознаніе“, говоритъ Ленинъ, „есть высшій продуктъ особымъ образомъ организованной матеріи. Таковы взгляды матеріализма вообще и Маркса-Энгельса въ частности“ (39). Ощущеніе Ленинъ считаетъ мыслью, сознаніемъ, психическимъ состояніемъ (см., напр., стр. 33, гдѣ онъ называетъ ощущеніе мыслью). Онъ утверждаетъ, что „ощущенія суть образы внѣшняго міра“ (81), именно копіи его, Abbild или Spiegelbild по Энгельсу (77). „Иначе, какъ черезъ ощущенія, мы ни о какихъ формахъ вещества и ни о какихъ формахъ движенія ничего узнать не можемъ; ощущенія вызываються дѣйствіемъ движущейся матеріи на наши органы чувствъ“. „Ощущеніе краснаго цвѣта отражаетъ колебанія эфира, происходящія приблизительно съ быстротой 450 триллионовъ въ секунду. Ощущеніе голубого цвѣта отражаетъ колебанія эфира съ быстротой около 620 триллионовъ въ секунду. Колебанія эфира существуютъ независимо отъ нашихъ ощущеній свѣта. Наши ощущенія свѣта зависятъ отъ дѣйствія колебаній эфира на человѣчскій органъ зрѣнія. Наши ощущенія отражаютъ объективную реальность, т. е. то, что существуетъ независимо отъ человѣчества и отъ человѣческихъ ощущеній“ (254).

Казалось бы, отсюда слѣдуетъ, что Ленинъ придерживается ученія механистовъ, согласно которому ощущенія и вообще психическія состоянія причинно обусловлены механическими процессами движенія, совершающимися въ органахъ чувствъ и мозговой ткани

(см., напр., стр. 38 с.). Это учение всегда считалось сомнительнымъ пунктомъ матеріализма. Діалектики-матеріалисты понимаютъ это и отвергаютъ его, но яснаго и опредѣленнаго положительнаго ученія по этому вопросу мы у нихъ не найдемъ. Ленинъ говорить, что настоящіе взгляды матеріалистовъ состоятъ не въ томъ, „чтобы выводить ощущеніе изъ движенія матеріи или сводить къ движенію матеріи, а въ томъ, что ощущеніе признается однимъ изъ свойствъ движущейся матеріи. Энгельсъ въ этомъ вопросѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія Дидро. Отъ вульгарныхъ матеріалистовъ Фохта, Бюхнера и Молешотта Энгельсъ отгораживался, между прочимъ, именно потому, что они сбивались на тотъ взглядъ, будто мозгъ выдѣляетъ мысль *такъ же*, какъ печень выдѣляетъ желчь“ (32).

Будучи логически послѣдовательнымъ, вслѣдъ за этимъ нужно признать, что вмѣстѣ съ движеніемъ также и ощущеніе или нѣкоторое другое состояніе, болѣе простое, но аналогичное ощущенію, понимаемое, какъ внутреннее состояніе или психическій процессъ, есть тоже изначальное свойство матеріи. Эту именно мысль мы и находимъ у Ленина: „Матеріализмъ въ полномъ согласіи съ естествознаніемъ беретъ за первичное данное матерію, считая вторичнымъ сознаніе, мышленіе, ощущеніе, ибо въ ясно выраженной формѣ ощущеніе связано только съ высшими формами матеріи (органическая матерія), и „въ фундаментъ самого зданія матеріи“ можно лишь предполагать существованіе способности, сходной съ ощущеніемъ. Таково предположеніе, напр., извѣстнаго нѣмецкаго естествоиспытателя Эрнста Геккеля, англійскаго біолога Ллойда Моргана и др., не говоря о догадкѣ Дидро, приведенной нами выше“ (30). Явнымъ образомъ Ленинъ имѣетъ въ виду здѣсь то самое, что мы называли выше психическими процессами. Ссылаясь на Ленина, также и В. Познеръ говорить, что „способность ощущать“ есть свойство высоко организованной матеріи, но и неорганизованная матерія имѣетъ *внутреннія* состоянія (46 с.). Сторонники метафизическаго и механистическаго матеріализма не видятъ, говорить онъ, что сознаніе, т. е. „способность отраженія не можетъ быть

попросту сведена къ внѣшнему перемѣщенію матеріальныхъ частицъ“, „она связана съ внутреннимъ состояніемъ движущейся матеріи“ (64). Въ то же время, однако, онъ выступаетъ противъ Плеханова, какъ сторонника гилозоистическаго ученія о всеобщей одушевленности матеріи (64); при этомъ онъ вовсе не заботится показать, чѣмъ отличается отъ плехановскаго ученія утвержденіе Ленина, повторяемое имъ, что даже и неорганизованная матерія имѣетъ внутреннія состоянія, аналогичныя ощущенію.

Аналогичную недоговоренность находимъ мы и у Быховскаго. Онъ говоритъ, что „сознаніе есть свойство опредѣленнаго вида матеріи, матеріи опредѣленнымъ образомъ организованной, весьма сложной по своему строенію матеріи, возникшей на очень высокомъ уровнѣ эволюціи природы“. „Сознаніе, присущее матеріи, дѣлаетъ ее какъ бы двусторонней: фізіологическіе, объективные процессы сопровождаются ихъ внутреннимъ отраженіемъ, субъективностью. Сознаніе есть внутреннее состояніе матеріи, интроспективное выраженіе нѣкоторыхъ фізіологическихъ процессовъ“. „Какой же здѣсь типъ связи между сознаніемъ и матеріей? Можно ли сказать, что сознаніе находится въ причинной зависимости отъ матеріальныхъ процессовъ, что матерія воздѣйствуетъ на сознаніе, въ результатъ чего происходитъ измѣненіе сознанія? Матеріальное измѣненіе можетъ вызвать только матеріальное же измѣненіе“. Признавъ, слѣдовательно, что механическій процессъ не есть причина, порождающая сознаніе и душевныя состоянія, Быховскій рѣшаетъ вопросъ такъ: „сознаніе и матерія не являются двумя разнородными вещами“. „Физическое и психическое—одинъ и тотъ же процессъ, но только съ двухъ сторонъ разглядываемый“. „То, что съ лицевой, объективной стороны представляетъ собою физическій процессъ, то же изнутри, самымъ этимъ матеріальнымъ существомъ воспринимается, какъ явленіе воли, какъ явленіе ощущенія, какъ нѣчто духовное“ (Бых. 83—84). Далѣе онъ прибавляетъ: „сама эта способность, сознательность, есть свойство, обусловленное физической организаціей, подобное остальнымъ ея свойствамъ“

(84). Эта прибавка противорѣчитъ его утвержденію, что „матеріальное измѣненіе можетъ вызвать только матеріальное же измѣненіе“. Избѣжать непослѣдовательности можно только путемъ слѣдующаго истолкованія его словъ. Матеріальная основа міра, оставшаяся, какъ мы знаемъ, у діалектическихъ матеріалистовъ неопредѣленной, творитъ первоначально свои механическія проявленія, а затѣмъ на опредѣленной ступени эволюціи, именно въ организмахъ животныхъ, творитъ, въ дополненіе къ внѣшнимъ матеріальнымъ процессамъ, еще и внутренніе, психическіе процессы. Въ такомъ случаѣ отличіе ученій Ленина и Познера отъ ученія Быховскаго таково: согласно Ленину и Познеру, матеріальная основа міра творитъ съ самаго начала, на всѣхъ ступеняхъ эволюціи не только внѣшніе матеріальные процессы, но еще и внутренніе процессы, ощущенія или, по крайней мѣрѣ, нѣчто сходное съ ощущеніями; согласно Быховскому, матеріальная основа міра присоединяетъ внутренніе процессы къ внѣшнимъ только на сравнительно высокой ступени эволюціи. Но все равно, держаться ли ученія Ленина и Познера или принять ученіе Быховскаго, передъ нами встаетъ слѣдующій вопросъ: если начало, лежащее въ основѣ міровыхъ процессовъ, творитъ два ряда событій, образующихъ единое цѣлое, но не сводимыхъ другъ на друга, именно внѣшнія матеріальныя и внутреннія психическія (или сходныя съ психическими), то какое право имѣемъ мы называть этотъ творческій источникъ и носитель событій матеріею? Точное выраженіе того, что мы нашли, дано ученіемъ, которое утверждаетъ, что это начало стоитъ выше обоихъ рядовъ, это — *метапсихофизическое* начало. Истинное ученіе о мірѣ есть не односторонній матеріализмъ и не односторонній идеализмъ, а идеаль-реализмъ — подлинное единство противоположностей. Недаромъ Энгельсъ и Ленинъ, говоря объ основномъ бытіи, называютъ его нерѣдко словомъ *природа*, обозначающимъ нѣчто болѣе сложное, чѣмъ матерія (см., напр., Ленинъ, 18, 118 и др.).

Настаивать на томъ, что основное бытіе все же слѣдуетъ называть матеріею, можно было бы путемъ

ученія, что психическое всегда есть нѣчто вторичное въ томъ смыслѣ, что оно всегда есть копія, „отраженіе“ матеріальнаго процесса, т. е. всегда служитъ для цѣлей знанія о матеріальномъ измѣненіи. Однако, такая интеллектуалистическая теорія психической жизни явно несостоятельна: первенствующее мѣсто въ психической жизни занимають чувства и волевые процессы, которые явнымъ образомъ не суть копіи, не суть „отраженія“ связанныхъ съ ними матеріальныхъ измѣненій. Вышеприведенный анализъ показалъ, что стремленіе есть исходный пунктъ всякаго взаимодействія, даже и такого простого, какъ толчокъ.

Діалектики-матеріалисты понимаютъ, что психическій процессъ есть нѣчто своеобразное, отличное отъ матеріальнаго процесса. Интересно теперь узнать, имѣетъ ли психическій процессъ *вліяніе* на дальнѣйшее теченіе міровыхъ измѣненій или онъ есть вполнѣ *пассивное* явленіе, такъ что для объясненія развитія міра незачѣмъ ссылаться на психическіе процессы. Ленинъ говоритъ, что матеріализмъ вовсе не утверждаетъ „меньшую реальность сознанія“ (235). Слѣдовательно, психическій процессъ, сознаніе есть въ такой же мѣрѣ бытіе, какъ и матеріальные процессы. Казалось бы, отсюда слѣдуетъ, что они могутъ имѣть значеніе для теченія матеріальныхъ процессовъ такъ же, какъ матеріальные процессы имѣютъ значеніе для возникновенія психическихъ явленій. Однако, согласно Марксу, не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе опредѣляетъ сознаніе. И вотъ всѣ діалектики-матеріалисты неизмѣнно повторяють это положеніе, разумѣя при этомъ подъ словомъ сознаніе всѣ психическіе процессы. Если признать это положеніе закономъ природы, то оно обязываетъ считать всѣ высшія проявленія душевной и духовной жизни, религію, искусство, философію и т. п., *пассивною* надстройкою надъ общественнымъ матеріальнымъ процессомъ. Сущность историческаго и экономическаго матеріализма, проповѣдуемаго марксистами, состоитъ именно въ ученіи, что исторія общественной жизни обусловливается развитіемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Экономическія отношенія, говорятъ марксисты, суть

реальный базис общественной жизни, а государственные формы, право, религія, искусство, философія и т. п. есть только надстройка надъ этою основою, зависящая отъ нея.)*

Марксъ, Энгельсъ и подлинныя соціалъ-демократы могли придерживаться этого ученія, полагая, что соціалистическій переворотъ произойдетъ въ странахъ съ высокимъ развитіемъ промышленности, гдѣ диктатура пролетаріата возникнетъ, такъ сказать, самотекомъ, вслѣдствіе огромнаго численнаго преобладанія рабочихъ и служащихъ надъ небольшимъ количествомъ собственниковъ. Но въ Россіи, странѣ промышленно отсталой, коммунистическая революція произведена сравнительно небольшою партіею большевиковъ. Этотъ переворотъ привелъ къ развитію въ СССР страшной формы деспотическаго государственнаго капитализма; государство-собственникъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ и военно-полицейскую силу, и мощь собственности, подвергаетъ трудящихся людей такой эксплуатаціи, о какой не смѣли и мечтать буржуа-капиталисты. Теперь, когда эта природа власти явно обнаружилась, особенно когда крестьяне изъ мелкихъ собственниковъ стали батраками въ колхозахъ, коммунистическій строй въ СССР очевиднымъ образомъ поддерживается небольшою кучкою партійцевъ противъ воли огромнаго большинства населенія, и сохраненіе его требуетъ отъ власти чрезвычайнаго напряженія воли, искусной пропаганды, рекламы, воспитанія молодежи и т. п. приѣмовъ, явно свидѣтельствующихъ о существенномъ вліяніи идеологии и обдуманной волевой дѣятельности чело-вѣка на сохраненіе и развитіе общественной жизни. Поэтому большевики начинаютъ теперь опредѣленно говорить о вліяніи идеологии даже на экономическую основу. Политическія, правовыя отношенія, философія, искусство и прочее идеологическое развитіе, говоритъ Познеръ, „основаны на экономикѣ, но всѣ они оказываютъ вліяніе другъ на друга и на экономическую основу“. Замѣчательно, что на этой же страницѣ онъ

*) Подробнѣе объ экономическомъ матеріализмѣ см. мою книгу „Типы міровоззрѣній“.

говорить: „не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание“ (68). И тут же онъ продолжаетъ: „когда громадные производительныя силы создадутъ безклассовое общество, тогда осуществится „планомѣрное сознательное руководство процессомъ общественнаго производства и всей общественной жизни“; тогда произойдетъ, согласно Энгельсу, прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы (68). Луппольъ говоритъ, что Ленинъ признавалъ реальность и познаваемость „конечныхъ причинъ“, т. е. утверждалъ цѣлестремительный, телеологическій характеръ нѣкоторыхъ процессовъ (186).

Быховскій, болѣе систематичный, чѣмъ Познеръ, въ этомъ вопросѣ оказывается столь же сбивчивымъ: „Материалистическое пониманіе общества“, говоритъ онъ, „считаетъ, что не общественное сознание, во всѣхъ его формахъ и видахъ, определяетъ общественное бытие, а само оно определяется матеріальными условіями существованія людей“. „Не разумъ, не воля людей, народа, расы, націи определяетъ ходъ, направленіе и характеръ историческаго процесса, а сами они являются ни чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ, выраженіемъ и отраженіемъ условій существованія, звеномъ объективнаго хода историческихъ событій, т. е. результатомъ того, какъ складываются отъ воли независящія отношенія между природой и обществомъ и отношенія внутри самого общества“ (Бых. 93). Далѣе, однако, онъ заявляетъ: „злостной и ложной карриатурой на марксистское пониманіе общества является утвержденіе, что оно *сводитъ* всю общественную жизнь къ экономикѣ, отрицаетъ всякое историческое значеніе государства, науки, религіи, превращаетъ ихъ въ тѣни, сопровождающія экономическія преобразованія“. „Материализмъ не отрицаетъ обратнаго вліянія надстройки на ея основаніе, а онъ объясняетъ направленіе этого вліянія и его возможные предѣлы“. „Такъ, религія—не только порожденіе опредѣленныхъ общественныхъ отношеній, но и обратно воздѣйствуетъ на нихъ, сказываясь, допустимъ, на брачномъ институтѣ“. „Болѣе удаленныя отъ производственнаго основанія проявленія

общественной жизни не только зависят от менее удаленных, но и, в свою очередь, воздействуют на них". „На основѣ даннаго способа производства и вкругѣ соотвѣствующихъ ему производственныхъ отношеній разрастается сильнѣйшая система взаимодействующихъ и переплетающихся отношеній и представлений. Матеріалистическое пониманіе исторіи отнюдь не благоволяетъ мертвому схематизму“ (106).

Находя у другихъ соціологовъ (Бельфортъ-Баксъ, Жоресъ, Карѣвъ) „утвержденіе, что бытіе воздействуетъ на сознаніе, но и сознаніе вліяетъ на бытіе“, онъ оцѣниваетъ его, какъ эклектизмъ (93), а самому себѣ разрѣшаетъ то же самое ученіе потому, что его матеріализмъ „объясняетъ направленіе“ вліянія сознанія и „его возможные предѣлы“. Какъ будто его противники упускаютъ изъ виду направленіе вліянія сознанія и воображаютъ, что оно можетъ быть безпредѣльнымъ!

Сбивчивость діалектиковъ-матеріалистовъ въ ученіи о сознаніи обусловлена не только тѣмъ, что имъ хочется во что бы то ни стало подчинить нематеріальные процессы матеріальнымъ, но еще и тѣмъ, что они не разграничиваютъ понятій „сознаніе“ и „психическій процессъ“. Сознаніе есть всегда существованіе какого-либо бытія для субъекта, оно есть осознаніе *бытія*. Въ этомъ смыслѣ, всякое сознаніе всегда опредѣляется бытіемъ. Точно такъ же всякое знаніе и мышленіе имѣетъ своимъ предметомъ бытіе и, согласно интуитивизму, даже включаетъ его въ себя, какъ непосредственно созерцаемое; слѣдовательно, всякое знаніе и мышленіе всегда опредѣляется бытіемъ. Психическая сторона сознанія, знанія и мышленія состоитъ только изъ *интенціональныхъ психическихъ актовъ*, направленныхъ на бытіе и не мѣняющихъ его; поэтому, дѣйствительно, сознаніе, знаніе и мышленіе, *какъ таковыя*, опредѣляются бытіемъ и не опредѣляютъ его. Но другіе психическіе процессы, именно связанные всегда съ эмоціями волевые процессы стремленія, влеченія, хотѣнія мощно воздействуютъ на бытіе и опредѣляютъ его. Мало того, поскольку волевой актъ опирается на знаніе и мышленіе, черезъ его посредство и знаніе

содѣйствуетъ глубокому преобразованію дѣйствительности.

Ученіе о вліянніи душевной жизни на матеріальный процессъ, признанное современными марксистами, особенно ясно показываетъ, что діалектическій матеріализмъ въ дѣйствительности не есть матеріализмъ. Изъ исторіи философіи извѣстно, что вопросъ, какъ можетъ матеріальный процессъ вліять на теченіе психическихъ процессовъ и, наоборотъ, какъ возможно, чтобы психическая жизнь вліяла на теченіе матеріальныхъ процессовъ, всегда былъ одною изъ самыхъ трудныхъ головоломокъ. Монистическія и дуалистическія системы философіи не могутъ рѣшить этой проблемы вслѣдствіе глубокой разнородности физическаго и душевнаго процесса. Понять, какъ они связаны другъ съ другомъ и какъ возможно, чтобы они *вліяли* другъ на друга, не будучи въ отношеніи другъ къ другу причиною и дѣйствиємъ, можно только найдя третье, творящее и объединяющее ихъ начало, не матеріальное и не психическое. Согласно изложенному мною выше ученію идеаль-реализма, это третье начало есть конкретно-идеальное бытіе, сверхвременные и сверхпространственные субстанціальныя дѣятели.*)

Борясь противъ механистическаго матеріализма, діалектики-матеріалисты не согласны замѣнить философію естествознаніємъ. Энгельсъ говоритъ, что естествоиспытатели, браня философію и отказываясь отъ нея, незамѣтно для себя оказываются въ плѣну у плохой доморощенной философіи (25). Для развитія способности теоретическаго мышленія онъ считаетъ необходимымъ изученіе исторіи философіи. Мало того, цѣль этого ученія состоитъ не только въ изощреніи теоретическаго мышленія, но и въ разработкѣ особой науки, именно теоріи знанія (гносеологіи). Быховскій говоритъ, что „философія есть теорія науки“ (9). Согласно Ленину, именно „діалектика и есть теорія познанія“. **)

*) См. мои книги „Типы міровоззрѣній“, „Міръ, какъ органическое цѣлое“, „Свобода воли“.

**) Къ вопросу о діалектикѣ, 16.

Понятно, почему матеріалисты-діалектики проявляютъ интересъ къ теоріи знанія. Они борются противъ скептицизма, агностицизма, релятивизма, настаивая на томъ, что подлинное бытіе доступно знанію. Чтобы защитить это утвержденіе, необходимо разрабатывать теорію знанія.

Ссылаясь на Энгельса, Ленинъ говоритъ: „человѣческое мышленіе по природѣ своей способно давать и даетъ намъ абсолютную истину, которая складывается изъ суммы относительныхъ истинъ. Каждая ступень въ развитіи науки прибавляетъ новыя зерна въ эту сумму абсолютной истины, но предѣлы истины каждаго научнаго положенія относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнѣйшимъ ростомъ знанія“.*)

Источникомъ истиннаго знанія Ленинъ считаетъ *ощущенія*, именно данныя опыта, истолкованнаго какъ „дѣйствіе движущейся матеріи на наши органы чувствъ“ (254). Такую теорію познанія Луппольъ правильно характеризуетъ, какъ матеріалистическій *сенсуализмъ* (182) (*sensus*—ощущеніе). Казалось бы, отсюда необходимо слѣдуетъ солипсизмъ, т. е. ученіе о томъ, что мы знаемъ только свои субъективныя состоянія, вызванныя неизвѣстною причиною и, можетъ быть, вовсе непохожія на нее. Однако, Ленинъ этого вывода не дѣлаетъ. Онъ увѣренно утверждаетъ, что „наши ощущенія суть образы внѣшняго міра“ (81); вмѣстѣ съ Энгельсомъ онъ увѣренъ въ ихъ *соотвѣтствіи, согласіи* съ дѣйствительностью, существующей внѣ насъ (90). Онъ рѣзко отвергаетъ утвержденіе Плеханова, что ощущенія и представленія человѣка суть „іероглифы“, т. е. представляютъ собою „не копію дѣйствительныхъ вещей и процессовъ природы, не изображеніе ихъ, а условные знаки, символы“ (193). Онъ понимаетъ, что „теорія символовъ“ логически послѣдовательно ведетъ къ агностицизму (196) и настаиваетъ на томъ, что правъ Энгельсъ, который „не говоритъ ни о символахъ, ни о іероглифахъ, а о

*) Ленинъ, 108; сходныя разсужденія у Энгельса въ „Анти-Дюрингъ“.

копіяхъ, снимкахъ, изображеніяхъ, зеркальныхъ отображеніяхъ вещей“ (193). Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Энгельсъ говоритъ „о вещахъ и объ ихъ мысленныхъ изображеніяхъ или отображеніяхъ (Gedanken-Abbilder), при чемъ само собою ясно, что эти мысленныя изображенія возникаютъ не иначе, какъ изъ ощущеній“ (26).

Итакъ, теорія знанія Энгельса и Ленина есть сенсуалистическая теорія копированія, отображенія вещей. Безъ сомнѣнія, однако, если бы истина была субъективною копіею транссубъективныхъ вещей, то никогда нельзя было бы найти ни въ одномъ частномъ случаѣ строгаго доказательства того, что мы обладаемъ точною копіею вещи, т. е. истиною о ней, и сама теорія копирования никогда не могла бы быть строгаго доказана. Въ самомъ дѣлѣ, согласно самой этой теоріи, мы имѣемъ въ сознаніи всегда только копіи, и нѣтъ никакой возможности наблюдать вмѣстѣ копію и подлинникъ, чтобы непосредственнымъ сличеніемъ установить точное соотвѣтствіе ихъ, вродѣ того, какъ можно это сдѣлать, сличая бюстъ и лицо живого человѣка. Для матеріализма сюда присоединяется еще слѣдующее затрудненіе: какъ можетъ *психическій* образъ быть точной копіею *матеріальной* вещи? Чтобы избѣжать этого безсмысленнаго утвержденія, нужно стать *панпсихистомъ*, т. е. признавать, что весь внѣшній міръ состоитъ изъ психическихъ процессовъ, и что мои представленія, напр., о чувствѣ гнѣва, о стремленіи и т. п. суть точныя копіи чужого гнѣва, чужого стремленія.

Приводимый Ленинымъ примѣръ ощущенія, какъ „отраженія“ дѣйствительности, съ головою выдаетъ его. „Ощущеніе краснаго цвѣта“, говоритъ онъ, „отражаетъ колебанія эфира, происходящія приблизительно съ быстротой 450 триллионовъ въ секунду. Ощущеніе голубого цвѣта отражаетъ колебанія эфира съ быстротой около 620 триллионовъ въ секунду. Колебанія эфира существуютъ независимо отъ нашихъ ощущеній свѣта. Наши ощущенія свѣта зависятъ отъ дѣйствія колебаній эфира на человѣческій органъ зрѣнія. Наши ощущенія отражаютъ объективную реальность, т. е. то, что существуетъ независимо отъ человѣчества и

отъ человѣческихъ ощущеній“ (264). Красный и голубой цвѣтъ ни въ какомъ смыслѣ слова не похожи на колебанія эфира; а если теперь отдать себѣ отчетъ, что, согласно Ленину, и сами эти колебанія извѣстны намъ только, какъ „образы“ въ нашемъ умѣ, сложенные изъ нашихъ ощущеній, то спрашивается, какія основанія есть у насъ утверждать, что эти образы соотвѣтствуютъ внѣшней дѣйствительности. Плехановъ понималъ, что теоріи отображенія, символизированія и т. п. не могутъ строго установить не только свойства внѣшняго міра, но даже и существованіе его. Поэтому онъ рѣшился сослаться на актъ вѣры въ существованіе внѣшняго міра и утверждать при этомъ, что „такая вѣра составляетъ необходимое предварительное условіе мышленія *критическаго* въ лучшемъ смыслѣ этого слова“.*)

Ленинъ, конечно, понимаетъ комическій характеръ заявленія Плеханова, что *критическое* мышленіе основано на *вѣрѣ*, и не согласенъ слѣдовать ему. Какъ онъ самъ выходитъ изъ затрудненія, сейчасъ увидимъ, а теперь доведемъ до конца разсмотрѣніе его сенсуализма. Неужели все наше знаніе состоитъ изъ ощущеній? Отношенія, напр., *единство* свойствъ вещи, причинная связь и т. п., никоимъ образомъ не могутъ быть ощущеніями:**) сказать, что желтизна яблока, твердость и холодность его даны намъ въ трехъ ощущеніяхъ (зрительномъ, осязательномъ и термическомъ), а *единство* этихъ свойствъ есть четвертое ощущеніе,—нелѣпость. Лица, болѣе обстоятельно занимающіяся философіею, чѣмъ Ленинъ, даже и среди діалектиковъ-матеріалистовъ понимаютъ, что въ знаніи, кромѣ чувственныхъ элементовъ, есть и *нечувственные*. Быховскій, напр., говоритъ: „въ распоряженіи человѣка имѣется два основныхъ орудія, при помощи которыхъ осуществляется познаніе — его опытъ, совокупность данныхъ, пріобрѣтаемыхъ черезъ его органы чувствъ, и разумъ, упорядочивающій данныя опыта и перера-

*) Плехановъ, примѣч. къ русскому переводу книги Энгельса о Фейербахѣ (1918), стр. 86 (женевское изд. 1905 г., стр. 111).

**) См. объ этомъ мою книгу „Міръ, какъ органическое цѣлое“.

батывающій ихъ“ (13). „Данныя наблюденія и эксперимента должны быть осмыслены, продуманы, увязаны. При помощи мышленія должны быть установлены связи и взаимоотношенія фактовъ, они должны быть систематизированы и оцѣнены, должны быть вскрыты ихъ законы и принципы“. „При этомъ мышленіи пользуются многочисленными общими понятіями, при посредствѣ которыхъ выражаются и опредѣляются связи между вещами, дается имъ научная оцѣнка. Эти понятія и логическія категоріи являются совершенно необходимымъ элементомъ во всѣхъ отрасляхъ знанія при всякомъ познавательномъ процессѣ“. „Значеніе ихъ для науки трудно переоцѣнить, ихъ роль въ формированіи познанія огромна“ (18—19).

Опознаніе этихъ сторонъ міра, конечно, получается путемъ отвлеченія изъ опыта; „формы бытія мышленіе никогда не можетъ почерпнуть и выводить изъ себя самого, а только изъ внѣшняго міра“, сочувственно цитируетъ Ленинъ Энгельса.*) Это вѣрно, но изъ этого слѣдуетъ, что опытъ вовсе не состоитъ изъ однихъ только ощущеній, и что природа, изъ которой абстрагируются принципы, содержитъ въ своемъ строеніи идеальныя начала. Деборинъ правильно говоритъ, что категоріи „являются ни чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ, результатомъ и обобщеніемъ *опыта*. Но наблюденіе и опытъ вовсе не сводятся къ непосредственному ощущенію и воспріятію. Безъ мышленія нѣтъ научнаго опыта“ (XXIV).

Изъ приведенныхъ словъ Быховскаго и Деборина видно, что, зная Канта, Гегеля и современную гносеологию, они не могутъ придерживаться чистаго сенсуализма, не могутъ отвергнуть наличія нечувственныхъ элементовъ знанія, но открыто разработать теорію ихъ они не въ силахъ. Привычки механистическаго матеріализма покоряють себѣ также и матеріалистовъ-діалектиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, для матеріалиста-механиста міръ состоитъ изъ непроницаемыхъ движущихся частицъ, единственное взаимодействіе которыхъ есть толчокъ; органы чувствъ реагируютъ на эти

*) Ленинъ, 26; Ф. Энгельсъ „Анти-Дюрингъ“, § 1.

толчки *ощущеніями*; все знаніе, согласно такой метафизикѣ, получается изъ опыта, какъ результата этихъ толчковъ (см. у Ленина на стр. 80 совершенно то же ученіе, что и у механистовъ), и состоитъ только изъ *ощущеній*.

Согласно діалектическому матеріализму, истинное знаніе состоитъ изъ субъективныхъ психическихъ процессовъ, которые должны копировать внѣшнюю дѣйствительность. Почему они надѣются, что это чудо копирования матеріальныхъ вещей посредствомъ психическихъ образовъ осуществимо? На этотъ вопросъ Энгельсъ отвѣчаетъ такъ: „наше субъективное мышленіе и объективный міръ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, поэтому они не могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ конечныхъ результатахъ, а должны согласоваться между собой“ (94). Это положеніе онъ называетъ „*предпосылкою*“ нашего теоретическаго мышленія (94). Діалектика есть законъ объективной дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ законъ познанія, говоритъ Познеръ (34), ссылаясь на Ленина.

Ученіе о томъ, что субъективная діалектика соответствуетъ объективной, не можетъ быть доказано, если принять теорію знанія діалектическаго матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой теоріи мы имѣемъ въ сознаніи всегда только субъективную діалектику; слѣдовательно, соответствіе ея объективной діалектикѣ навсегда должно оставаться недоказуемою гипотезою. Надобно къ тому же прибавить, что гипотеза эта не объясняетъ, какъ возможна истина о внѣшнемъ мірѣ. Вѣдь законъ діалектическаго развитія имѣетъ всеобщее значеніе, по ученію діалектическаго матеріализма. Слѣдовательно, ему подчинено не только мышленіе, но и всѣ остальные субъективные процессы, напр., фантазированіе. Если субъективный процессъ фантазированія не копируетъ внѣшней дѣйствительности, хотя и подчиненъ одному съ нею закону, то и субъективный процессъ мышленія, можетъ быть, тоже не копируетъ его.

Пытаясь установить критерій *согласія* субъективнаго знанія о внѣшнемъ мірѣ съ дѣйствительнымъ

строєніємъ этого міра, Энгельсъ, слѣдуя Марксу, на-
шелъ его „въ практикѣ, именно въ экспериментѣ и въ
индустріи“. „Если мы можемъ доказать правильность
нашего пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что
сами его производимъ, вызывая его изъ условій,
заставляемъ его, къ тому же, служить нашимъ цѣлямъ,
то кантовской неуловимой „вещи въ себѣ“ приходитъ
конецъ. Химическія вещества, производимыя въ тѣлахъ
животныхъ и растений, оставались такими „вещами въ
себѣ, пока органическая химія не стала готовить
ихъ одно за другимъ; тѣмъ самымъ „вещь въ себѣ“
превращалась въ „вещь для насъ“, какъ, напр., ализаринъ,
красящее вещество марены, которое мы полу-
чаемъ теперь не изъ корней марены, выращиваемой
въ полѣ, а гораздо дешевле и проще—изъ каменно-
угольнаго дегтя“.*)

Діалектикамъ-матеріалистамъ очень понравился
аргументъ Энгельса; они съ восхищеніемъ повторяютъ
и развиваютъ его (напр., Ленинъ, 80, 110—115; Быхов-
скій 69 с.). И въ самомъ дѣлѣ, успѣшная практиче-
ская дѣятельность и все возрастающее усовершен-
ствованіе ея даютъ право утверждать, что мы *способны*
имѣть истинное знаніе о мірѣ. Однако, отсюда полу-
чается выводъ, неблагопріятный для сенсуалистиче-
ской теоріи копированія міра. Необходимо вырабо-
тать такую теорію знанія и теорію міра, которая тол-
ково объяснила бы, какъ возможно, чтобы субъектъ
имѣлъ истинное знаніе не только о своихъ пережи-
ваніяхъ, но и о самомъ внѣшнемъ мірѣ въ его подлин-
ной сущности, независимой отъ нашихъ субъектив-
ныхъ актовъ познаванія. Теорія знанія діалектиче-
скаго матеріализма, утверждающая, что въ сознаніи
непосредственно даны только наши субъективные
психическіе процессы (образы, отраженія и т. п.), не
можетъ объяснить, какъ возможно истинное знаніе о
внѣшнемъ, особенно о матеріальномъ мірѣ. Она не
можетъ даже объяснить, какъ, исходя изъ своихъ
субъективныхъ психическихъ процессовъ, челове-

*) Цитата Ленина на стр. 78 изъ Энгельса „Л. Фейербахъ“,
4 нѣм. изд., стр. 16.

ское я вообще могло придти къ мысли о томъ, что существуетъ матерія.

Современная гносеологія можетъ придти на помощь къ матеріалисту, неспособному объяснить возможность нашего знанія о матеріи, однако, подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ односторонности матеріализма и призналъ, что міровое бытіе сложно, и что въ его составѣ матерія, правда, существуетъ, однако, не представляетъ собою основного начала. Такова, напр., теорія знанія интуитивизма, соединенная съ метафизикою идеаль-реализма, въ составъ которой входитъ, между прочимъ, и пансоматизмъ (т. е. утвержденіе, что всякое конкретное событіе имѣетъ также и тѣлесную сторону).

Ленинъ, допустившій „въ фундаментъ самого зданія матеріи“ существованіе „способности, сходной съ ощущеніемъ“, повидимому, близокъ къ такому идеаль-реализму. Онъ говоритъ: „Философскій идеализмъ есть только чепуха съ точки зрѣнія матеріализма грубаго, простого, метафизичнаго. Наоборотъ, съ точки зрѣнія діалектическаго матеріализма философскій идеализмъ есть одностороннее, преувеличенное *überschwängliches* (Дицгенъ) развитіе (раздуваніе, распухиваніе) одной изъ черточекъ, сторонъ, граней познанія въ абсолютъ, *оторванный* отъ матеріи, отъ природы, обожествленной“ (17).*)

Надобно лишь прибавить, что точное выраженіе истины, свободное отъ односторонняго „раздуванія“ какого-либо одного изъ элементовъ міра, осуществлено не идеализмомъ, но также и не какимъ-либо изъ видовъ матеріализма (хотя бы и діалектическаго), а только идеаль-реализмомъ.

Традиціонную логику съ ея законами тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго діалектическіе матеріалисты отвергаютъ и хотятъ замѣнить ее діалектическою логикою, которую Быховскій называетъ „логикою противорѣчій“, потому что „противорѣчіе является ея характернымъ принципомъ“ (32). Выше

*) Къ вопросу о діалектикѣ „Подъ знаменемъ марксизма“, 1925, № 5—6, стр. 17.

было уже показано, что нападки на традиційную логику обусловлены неправильнымъ толкованіемъ закона тождества и противорѣчія.*)

Несмотря на свою философскую несостоятельность, матеріализмъ привлекаетъ къ себѣ очень многіе умы. Слѣдуетъ предположить поэтому, что въ основѣ его есть какое-то зерно истины, которая трудно выразима въ точной формѣ и, при недостаточно глубокомъ анализѣ, легко можетъ быть перетолкована въ духѣ матеріализма. Эта истина заключается въ слѣдующемъ. Всѣ дѣятели въ составѣ міра осуществляютъ не только *внутреннія* духовныя и душевныя дѣйствія, но также и *внѣшнія* дѣйствія, пространственно оформленные, т. е. имѣющія характеръ тѣлесности. Такимъ образомъ, *все духовное и душевное воплощено*. Это ученіе можно назвать *пансоматизмомъ* (soma—тѣло). Конечно, истина пансоматизма глубочайшимъ образомъ отличается отъ матеріализма: все существующее имѣетъ тѣлесную сторону, но не исчерпывается ею; мало того, эта тѣлесная сторона есть не основное проявленіе бытія, а производное, осуществляемое подъ руководствомъ внутреннихъ, духовныхъ и душевныхъ процессовъ. На низшихъ ступеняхъ эволюціи въ неорганизованной природѣ внутренніе процессы столь упрощены, что установить наличность ихъ очень трудно. По недоразумѣнію, истина пансоматизма можетъ быть выражена въ такой формѣ, что будетъ по внѣшности казаться матеріализмомъ; такова напр., метафизика стоиковъ, по внѣшнему выраженію матеріалистическая, а въ дѣйствительности представляющая собою одинъ изъ видовъ идеаль-реализма.**)

Идеаль-реализмъ, разрабатываемый мною и вкратцѣ намѣченный выше, также включаетъ въ себя пансоматизмъ въ томъ смыслѣ, какъ я только что опредѣлилъ это понятіе.

Многія лица, особенно подъ вліяніемъ професіональной дѣятельности, напр., рабочіе, врачи, инженеры, пріучаются односторонне сосредоточивать свое вниманіе на тѣлесной сторонѣ бытія и такимъ обра-

*) См., напр., у Быховскаго, стр. 218—242.

**) См. объ этомъ въ моей книгѣ „Типы мировоззрѣній“.

зомъ приобрѣтають склонность къ матеріалистическому міропониманію.

Такимъ образомъ, можно найти *психологическіе* мотивы, склоняющіе нѣкоторыхъ лицъ къ матеріализму, но *логическихъ* основаній въ пользу истинности этого міровоззрѣнія найти нельзя. Мы видѣли, что въ основѣ діалектическаго матеріализма лежитъ голословное утвержденіе: матерія есть все, что существуетъ. На дѣлѣ при дальнѣйшемъ развитіи своего ученія діалектики-матеріалисты надѣляются основное бытіе такими свойствами, какъ „способность, сходная съ ощущеніемъ“, творческая активность, способность къ *имманентному, спонтанному* развитію, которое осуществляется въ *опредѣленномъ* направленіи и создаетъ все болѣе *цѣнные* ступени бытія, подчиненныя законамъ, которые неразложимы на законы предшествующихъ, низшихъ ступеней эволюціи. Правъ Бердяевъ, говоря, что „діалектической матеріализмъ марксистовъ-ленинистовъ“ надѣляетъ матерію божественными свойствами.*) Непонятно поэтому, по какому праву они называютъ такое основное бытіе словомъ матерія.

Не будучи въ дѣйствительности матеріалистами, марксисты придаютъ своему міровоззрѣнію видъ матеріализма посредствомъ недоговоренностей, неясностей, неточностей. Не малую помощь оказываетъ при этомъ слово движеніе, употребляемое для обозначенія не только перемѣщеній въ пространствѣ, но даже и творческихъ актовъ, создающихъ новыя качества. Большую пользу приносятъ также слово природа, ставимое часто вмѣсто слова матерія. Специфическое ученіе діалектическаго матеріализма, заимствованное изъ діалектики Гегеля, о тождествѣ противоположностей и, слѣдовательно, реализаціи противорѣчій на самомъ дѣлѣ есть неточное выраженіе мысли о единствѣ противоположностей, нисколько не отмѣняющемъ законъ противорѣчія. Сами діалектики-матеріалисты близки къ тому, чтобы это понять. Ленинъ говоритъ: „тождество противоположностей („единство ихъ“, можетъ быть,

*) Бердяевъ, „Генеральная линія совѣтской философіи и воинствующій атеизмъ“, стр. 16, YMCA, Paris, 1932.

вѣрнѣе сказать?)“ *) Неудивительно поэтому, что очень часто діалектики ставятъ рядомъ оба эти термина: „тожество или неразрывность“ (напр., Энгельсъ, 24), „тожество или единство“.

Похвально стремленіе діалектическаго матеріализма освободиться отъ скудости механистическаго матеріализма и вскрыть богатое содержаніе каждаго явленія, какъ это указано, напр., Ленинымъ въ приведенной выше цитатѣ изъ его статьи „Карлъ Марксъ“. Однако, діалектичность, обязывающая къ сложности, и матеріализмъ, влекущій за собою скудную односторонность, какъ вода и масло, раздѣляются. Боязнь утратить матеріализмъ обязываетъ марксистовъ цѣпляться за догматы матеріализма, неизбежно обѣдняющаго міръ. Укажу слѣдующія изъ ихъ числа: міропониманіе должно быть *монистическимъ* (Быховскій, 32 с.); всякое бытіе должно быть понимаемо, какъ пространственно-временное; составъ сознанія долженъ быть истолкованъ въ духѣ *сенсуализма*, т. е. сведенъ къ ощущеніямъ; сознаніе должно считаться *пассивнымъ* (бытіемъ опредѣляется сознаніе, а не сознаніемъ опредѣляется бытіе); обязательенъ *детерминизмъ*, свобода должна быть отвергаема.

Вслѣдствіе этихъ связей съ матеріализмомъ получаютъ слѣдующія односторонности, кромѣ перечисленныхъ выше, или непоследовательности въ случаѣ желанія достигнуть всесторонности.

1. Діалектики-матеріалисты проповѣдуютъ монизмъ, тогда какъ истина о мірѣ есть синтезъ монизма и плюрализма: единство основныхъ принциповъ и смысла бытія при множественности качественныхъ содержаній его. Попытка діалектиковъ признать творческую эволюцію, создающую качественно различныя ступени бытія, не согласима съ ученіемъ, что основное бытіе есть матерія.

2. Временной процессъ предполагаетъ сочетаніе временного и невременного; пространственный процессъ предполагаетъ сочетаніе пространственнаго и

*) Къ вопросу о діалектикѣ, „Подъ знаменемъ марксизма“, 1925 г., № 5—6, стр. 14.

непространственного; иными словами, односторонній реалізм (признання тільки просторовно-часового буття) єсть заблуждення; істина о мірі єсть ідеаль-реалізм.

3. Признаючи на словах багатство і різноманітність світу, діалектики-марксисты в той же час хочуть свести весь склад досвіду до чуттєвих даних (сенсуалізм); між ними, істина про досвід єсть учення про поєднання в ньому чуттєвих і нечуттєвих даних. Але діалектики-матеріалісты бояться найменшого згадування про нечуттєвий аспект світу: признання нечуттєвого пов'язано з признанням духовного, а духа більшовики-марксисты бояться, як чорт лада.

4. Енгельс і сучасні діалектики-матеріалісты говорять, що діалектика Гегеля була абстрактною ідеалістичною, а вони замінюють її конкретною діалектикою, так як мають в увазі чуттєве буття (см., напр., Деборін, стр. XXVII с.). В дійсності чуттєві дані кольору, звуку і т. п., навіть взяті в їх єдиничній „той даності“, але без взаємопроникнутості їх до всіх інших багатим і складним складом світу, єть такі ж тощі абстракції, як і раціональні поняття, напр., математики. Матеріалісты-діалектики бачать тільки дві крайності, які єть абстракції: з однієї сторони, раціональні загальні поняття, з другої сторони, єдиничні чуттєві даності; глибини, духовного і душевного буття вони не бачать, так як, говорячи про них, вони звичайно мають в увазі не все багатство духовної і душевної *життя*, а тільки одну не особливо суттєву функцію, саме *мислення* в відірваних поняттях. Про справжню конкретність, яка єсть повнота духовного і душевного творчості, емоційного переживання своїх і світових цінностей, волевого *цільостремітельного* впливу на життя світу і втілення всіх цих функцій в тілесній житті вони не мають ні найменшого поняття. Гегель, який був, в дійсності, не ідеалістом, а ідеаль-реалістом, тільки погано виразивши цей характер своєї

системы, былъ безконечно ближе къ истинѣ, чѣмъ діалектики-матеріалисты. *)

5. Свою скудость и односторонность діалектической матеріализмъ обнаруживаетъ особенно неприкрыто въ изслѣдованіи самыхъ сложныхъ процессовъ, именно историческихъ. На словахъ они уже признали, что „болѣе удаленныя отъ производственнаго основанія проявленія общественной жизни не только зависятъ отъ менѣе удаленныхъ, но и, въ свою очередь, воздѣйствуютъ на нихъ“. „На основѣ даннаго способа производства и вокругъ соотвѣтствующихъ ему производственныхъ отношеній разрастается сложнѣйшая система взаимодействующихъ и переплетающихся отношеній и представлений. Матеріалистическое пониманіе исторіи отнюдь не благоволитъ мертвому схематизму“ (Бых. 106). Въ дѣйствительности мы находимъ у нихъ повсюду скучищу не только мертвого, но еще и легкомысленно-поверхностнаго схематизма: самая разнообразная и глубочайшія теченія духовной жизни, имѣющія непреходящее значеніе, объясняются въ ихъ литературѣ вліяніемъ „феодалнаго“ порядка, „буржуазнаго“ строя, „дворянства“, развитія „торговаго капитала“ и т. п.

Образцомъ ихъ мышленія можетъ служить слѣдующее использованіе психоаналитическихъ теорій Познеромъ: „мѣщанскій характеръ нѣмецкой буржуазіи, ея трусливость, неспособность къ рѣшительной борьбѣ съ феодализмомъ привели къ пышному расцвѣту литературы и философіи, въ которыхъ она какъ бы старалась наверстать то, чего не могла достигъ въ политической области“ (16). Итакъ, достаточно быть трусливымъ, чтобы создать расцвѣтъ литературы и философіи; какъ будто изъ отрицательнаго условія можно вывести явленія творчества, требующія сложныхъ положительныхъ способностей.

Матеріализмъ—философія, столь явно несостоятельная и поверхностная, что объяснить упорство, съ которымъ главные представители русскаго больше-

*) См. мою статью „Гегель, какъ интуитивистъ“, Зап. Русск. Научн. Института въ Бѣлградѣ, вып. 9, 1933 г.

визма держатся за него, и фанатическую нетерпимость, проявляемую ими при защитѣ его, можно только какими-либо глубокими психологическими мотивами и страстями, держащими ихъ въ плѣну. Главный изъ этихъ мотивовъ тотъ, что матеріализмъ всего прочнѣе и прямѣе связанъ съ атеизмомъ; онъ наиболѣе пригоденъ для разрушенія всѣхъ христіанскихъ религіозныхъ представленій и чувствъ, и потому особенно привлекателенъ для большевиковъ, бѣшено ненавидящихъ христіанство. Въ самомъ дѣлѣ, христіанство проповѣдуетъ любовь, бережное отношеніе къ человѣческой личности даже и въ борьбѣ съ нею, оно воспитываетъ въ обществѣ уваженіе къ традиціи, къ старшимъ, къ авторитету, здравый консерватизмъ, не отвергающій движенія впередъ, но избѣгающій болѣзненной ломки прошлаго. Большевизмъ характеризуется свойствами, прямо противоположными христіанской культурѣ. Большевики проповѣдуютъ ненависть къ прошлому. Эта связь ихъ души не съ будущимъ, а съ прошлымъ прекрасно выяснена въ произведеніяхъ Бердяева: они живутъ ненавистью къ прежнему обществу и притомъ не къ отрицательнымъ *установленіямъ* его, а къ самимъ *живымъ* людямъ—ненавистью къ буржуа, къ дворянину, къ священнику, къ философу-идеалисту. Ненависть къ живой индивидуальной личности есть сатанинское чувство: оно, по мѣткому замѣчанію Шелера, сопутствуется печалью при наблюденіи добрыхъ свойствъ противника и злою радостью при обнаруженіи дурныхъ чертъ его. Такое чувство никогда не руководится высокими мотивами. У революціонеровъ въ основѣ его лежатъ личныя обиды, глубоко оттѣсненныя въ область подсознанія: соціальныя, семейныя и т. п. травмы, оскорбленное самолюбіе, гордыня, тщеславіе, властолюбіе. Особенно ясно выражены эти мотивы поведенія у большевиковъ: разрушеніе стараго они производятъ, не стѣсняясь средствами самаго жестокаго насилія и проявляя полное презрѣніе къ человѣческой личности; новый порядокъ, которымъ они хотятъ облагодѣтельствовать человечество, они вводятъ противъ воли „благодѣтельствуемыхъ“, въ горделивой увѣренности, что они лучше знаютъ, кому что полезно.

Въ поведеніи своемъ они руководятся убѣжденіемъ, что „все позволено“ ради достиженія поставленной ими цѣли. Міровоззрѣніе, развязывающее имъ руки, есть именно матеріализмъ и атеизмъ.

Діалектическій матеріализмъ для большевиковъ болѣе удобенъ, чѣмъ механистическій. Сосредоточивъ все свое вниманіе на соціально-экономическихъ проблемахъ, они хотятъ быть въ своей области независимыми отъ естествознанія (см., напр., Рязановъ, стр. XI с.). Убѣжденіе въ измѣнчивости всѣхъ ступеней бытія, опирающееся на принципы діалектики, дѣлаетъ изъ этого міровоззрѣнія хорошее оружіе для революціоннаго разрушенія дѣйствительности (Познеръ, 30). Особенно удобна свобода отъ запрета нарушать законъ противорѣчія. Какъ бы нелѣпы ни были результаты большевицкаго хозяйничанья, какъ бы ни расходилась ихъ политика съ ихъ собственными идеалами, стоитъ назвать противорѣчіе „жизненнымъ“, и дѣятельность ихъ оказывается оправданною. Такъ, напр., большевики дробятъ СССР на множество автономныхъ національных республикъ, искусственно культивируя языкъ и литературу у народностей, совершенно не склонныхъ къ обособленному отъ Россіи національному развитію (повидимому, въ основѣ этой политики лежитъ цѣль: „divide et impera!“). Сталинъ въ одной изъ своихъ рѣчей говоритъ по этому поводу, что національнымъ культурамъ необходимо развиваться, чтобы слиться „въ одну общую культуру съ однимъ общимъ языкомъ“. О государствѣ, которое согласно марксизму есть всегда эксплуататорская форма организациі общества, подлежащая совершенной отмѣнѣ, тотъ же Сталинъ говоритъ: „высшее развитіе государственной власти въ условіяхъ подготовки условій для отмиранія государственной власти—вотъ марксистская формула... противорѣчіе это жизненно и оно цѣликомъ отражаетъ марксову діалектику“ (см. Познеръ, стр. 50).

Не истины ищутъ большевики въ философіи, а только удобнаго оружія для достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей. Поэтому они, вслѣдъ за Ленинымъ, восхваляютъ „партиѣность“ въ философіи. „Марксъ и Энгельсъ“, говоритъ Ленинъ, „отъ начала и до конца

были партійними въ філософії, умѣли открывать отступленія отъ матеріалізма и поблажки идеализму и фидеизму во всѣхъ и всяческихъ „новѣйшихъ“ направленіяхъ“ (287). Подъ вліяніемъ партійности отмираетъ самостоятельное наблюденіе и изслѣдованіе, развивается только интересъ къ защитѣ окостенѣлыхъ догмъ во что бы то ни стало. Самыя средства этой защиты становятся все болѣе наивными: это или ссылака на авторитеты, или брань, доносы, угрозы. Лупполъ въ своей книгѣ „На два фронта“, направленной противъ „меньшевиствующаго идеализма“ и „механистическаго матеріалізма“, называетъ эти отступленія отъ марксизма „вредительствомъ“, которое надо ликвидировать; сторонниковъ ихъ онъ называетъ „скрытыми вредителями“ (стр. 9). А мы знаемъ, какъ большевики ликвидируютъ „вредительство“: посредствомъ разстрѣла или концентраціоннаго лагеря. Торнштейнъ еще болѣе ядовита: она говоритъ, что игнорированіе ленинизма, какъ высшей ступени діалектическаго матеріалізма, есть „плановое вредительство“ (стр. 4).

Стиль писаній большевиковъ поражаетъ своею грубостью. Въ ихъ литературѣ чаще всего встрѣчается не тотъ языкъ, которымъ говорятъ крестьяне или рабочіе, а тотъ, который распространенъ въ некультурныхъ, озлобленныхъ мѣщанскихъ семьяхъ: онъ такъ и пестритъ словами, оканчивающимися на -щина (поповщина, богдановщина и т. п.), -ка и т. п.; въ немъ не рѣдкость такія тошнотворныя сравненія, какъ „сто тысячъ читателей Геккеля означаютъ сто тысячъ плевковъ по адресу філософії Маха и Авенаріуса“ (Ленинъ, 299).

Еще отвратительнѣе, чѣмъ злобность, весьма распространенная въ современной большевицкой литературѣ угодливость, желаніе не отстать отъ генеральной линіи и каждымъ словомъ засвидѣтельствовать свою правоту. Такъ, во всемъ строѣ жизни СССР и во всѣхъ теоріяхъ выдвинута на первый планъ общественность въ противовѣсъ индивидуальному личному бытію. И вотъ Познеръ, говоря, вслѣдъ за Ленинымъ, о томъ, что ощущеніе есть „образъ“ соотвѣтствующаго внѣшняго явленія, продолжаетъ: діалектическій

матеріалізмъ идетъ дальше, онъ учитъ, что ощущенія „возникають не просто, какъ пассивный результатъ воздѣйствія внѣшнихъ предметовъ на наши органы чувствъ, а какъ результатъ активного воздѣйствія общественнаго человѣка на природу, въ результатъ обратнаго воздѣйствія на окружающую дѣйствительность“ (47). Приходится думать, что воспринять желтый цвѣтъ песка можетъ не отдѣльный человѣкъ, а только, напр., членъ артели, копающей прудъ.

Данное выше изложеніе діалектическаго матеріализма и анализъ его даетъ право на слѣдующій общій выводъ. Подлинный матеріалізмъ, т. е. ученіе о томъ, что основное бытіе суть движущіяся въ пространствѣ непроницаемыя частицы матеріи, а психическія явленія суть пассивное производное отъ движеній матеріи, скуденъ и неспособенъ къ дальнѣйшему развитію. Діалектическій матеріалізмъ, говоря о матеріи или о природѣ, какъ основномъ бытіи, надѣляетъ первооснову міра богатыми качествами и способностями, но называть ее матерією онъ не имѣетъ никакого права. Видимость матеріализма онъ придаетъ себѣ отчасти своею терминологією, отчасти непослѣдовательною связью съ нѣкоторыми остатками догматовъ подлиннаго матеріализма, отчасти посредствомъ недоговоренностей и неясностей. Въ СССР діалектическій матеріалізмъ есть философія партійная, служащая не цѣлямъ исканія истины, а практическимъ надобностямъ революціи. Пока въ СССР господствуетъ власть, подавляющая всякое свободное изслѣдованіе, діалектическій матеріалізмъ не способенъ ни къ какому плодотворному философскому развитію. У свободныхъ мыслителей діалектическій матеріалізмъ быстро переродился бы въ какую-либо сложную систему идеаль-реализма.

Книгоиздательство YMCA-PRESS

10, Bd. Montparnasse, Paris

БЕРДЯЕВЪ, Н. А. Судьба человека въ современномъ мірѣ. 1934 г.	фр.	8.—
— Марксизмъ и религія	„	4.—
— Христіанство и классовая борьба	„	20.—
— Русская религіозная психологія и коммунистическій атеизмъ	„	6.75
— Генеральная линія совѣтской фило- софіи и воинствующій атеизмъ	„	3.75
— Христіанство и активность человека	„	3.—
БУЛГАКОВЪ, о. С. Карлъ Марксъ, какъ религіозный типъ	„	2.—
ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ, Б. Христіанство и соціальный вопросъ	„	4.—
ФЕДОТОВЪ, Г. П. Соціальное значе- ніе христіанства	„	3.—
ФРАНКЪ, С. Л. Личная жизнь и соціальное творчество	„	3.—

